Проф. д-р С. В. ТРОИЦКИЙ
(Белград)

СВ. МЕФОДИЙ КАК СЛАВЯНСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Глава I
СОСТАВИТЕЛЬ „ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ“

Ошибочность болгарской и моравской теории о происхождении Закона судного (ЗС*). Доказательства авторства св. Мефодия — сходство языка ЗС с языком других его трудов. Сопоставление содержания ЗС с биографией Мефодия. Мефодий, как знаток Свящ. Писания. Мефодий, как юрист: использование им декрета Константина V, Эклоги, канонов Василия Великого и Трулльского Собора. Свидетельство Паннонского Жития св. Мефодия об его авторстве.

В нашей статье „Апостол славянства св. Мефодий как канонист“ („Журнал Московской Патриархии“, 1958, № 3, стр. 38—51) была дана характеристика составленного этим славянским Просветителем сокращенного Номоканона, причем было указано, что „с его именем связывается“ не только этот труд, но и ряд древнеславянских памятников, в том числе и „Закон судный людем“[1], где св. Мефодий является не только канонистом, но и славянским законодателем.

В последние годы научная литература посвятила особое внимание этому древнейшему славянскому памятнику, причем были выдвинуты две теории об его происхождении — болгарская, по которой он составлен в Болгарии и для Болгарии при князе Борисе или при царе Симеоне, и моравская, по которой он составлен в Моравии и для Моравии во время тамошней миссии славянских просветителей. Между тем существуют данные, доказывающие, что ни та, ни другая теории не дают правильного решения вопроса о происхождении Закона судного людем (далее ЗС) и что болгарская теория права лишь постольку, поскольку она доказывает ошибочность некоторых положений моравской теории, тогда как моравская теория, правильно решая вопрос о составителе ЗС, ошибочно решает вопрос о времени и месте составления памятника.

Сравнение языка ЗС с Мефодиевым сокращенным переводом Номоканона („Синагоги“) Иоанна Схоластика[2] и с анонимной гомилией в Клозовом сборнике[3] в трудах чешского филолога Иосифа Вашицы[4], словенского— Франца Гривца[5] и французского Андрэ Вайяна[6] с достаточною убедительностью доказывают авторство св. Мефодия относительно ЗС, но к доводам этих филологов нужно добавить, что на авторство Мефодия указывает и сходство общего характера ЗС с Мефодиевым переводом Схоластиковой Синагоги. И там и здесь в основе лежит греческий источник. И там и здесь имеем сокращенный перевод этих источников. И там и здесь оригинал переводится не буквально, а свободно и с существенными изменениями и дополнениями, приспособленными к той среде, для которой он предназначается.

Убедительным подтверждением авторства Мефодия является и сопоставление сообщаемых Паннонскими житиями[7] славянских просветителей и другими источниками сведений о научной подготовке Мефодия с содержанием ЗС. Паннонское Житие Мефодия (далее ЖМ) сообщает, что Мефодий пользовался известностью среди солунских юристов[8], Похвальное слово

* Список сокращений и примечания помещены в конце статьи.

св. Кириллу и Мефодию[9], сравнивая Мефодия со славным ветхозаветным юристом Соломоном, восхваляет его „дивныя притчи, наказания и вопрошания“, а греческие источники[10], обычно игнорируемые сторонниками как болгарской, так и моравской теории, сообщают, что Мефодий в молодости изучил τὰ ἱερὰ γράμματα, то есть Священное Писание, что подтверждается и 15 главой ЖМ, говорящей о переводе Мефодием всей Библии, кроме Маккавейских книг. О литературных трудах Мефодия еще задолго до его участия в моравской миссии свидетельствует 3 глава ЖМ, сообщая, что, покинув свое славянское княжество и поселившись на Олимпе, он „книгахъ прилежя“, а Паннонское житие его брата Константина-Кирилла (далее ЖК) сообщает в 10 главе, что также еще до моравской миссии Мефодий занимался переводами с греческого на славянский, а именно перевел прения Константина в Хозарии, с разделением их на восемь частей или глав [11].

Содержание ЗС доказывает, что его автор был и знатоком Священного Писания, и хорошим юристом. Взяв в основу своего судебника один декрет византийского императора и действовавший в то время краткий византийский свод законов — Эклогу, он восполняет эти источники данными, взятыми из Библии, неоднократно ссылаясь на нее, как на „Закон Божий“, авторитетность которого должна быть вне всяких сомнений: „якоже и закон Божий велить“, „Божий законъ тако велить“, читаем во 2 главе ЗС. Такие же ссылки находим и в 4 и в 32 главах. И вся эта глава, говорящая о судебном процессе, есть не что иное, как применение к условиям места и времени постановлений о свидетелях на суде 19 главы Пятой Моисеевой книги — Второзакония (стихи 15—21). А установленное в этой главе начало талиона составитель ЗС применяет не только к свидетелям на суде, но и в других случаях, например, в отношении поработившего временнообязанного, заменяя в гл. 30 талионом предписанное Эклогой (XVII, 16) членовредительское наказание.

Переводя в 3 главе ЗС последний XVIII титул Эклоги. говорящий о больном вопросе, как нужно делить военную добычу, составитель ЗС, чтобы предупредить возможность недовольства и возмущения сражавшихся выдачей им равной доли добычи с оставшимися в лагере, дополняет текст Эклоги ссылкой на постановление пророка Давида, о котором повествует 30 глава Первой книги Царств (ст. 24—25), подчеркивая, что так не только сказано, но и написано и постановлено Давидом[12].

Переводя в 4 главе 21 главу XVII титула Эклоги о наказании за блуд, он добавляет к тексту Эклоги предписание апостола Павла (1 Кор. 5, 9), чтобы „Божии рабы“, то есть верующие, „по Божию закону“ отделялись „от блудящего“[13].

Переводя в 10 главе 21 главу XVII титула Эклоги о наказании за изнасилование, он изменяет текст Эклоги применительно к тексту 22 главы Второзакония (стихи 25—27)[14].

Важную поправку и три добавления делает Мефодий в последней 32 главе ЗС к 12 главе II титула Эклоги, говорящей о браке. Тогда как Эклога, вопреки библейскому тексту, утверждает, что Бог создал человека ἐκ οὐκ ὄντων — из ничего, Мефодий, согласно с Библией (Быт. 2, 7), говорит, что мужа Бог создал „пьрсть взем от земля“. К словам Эклоги, что Бог создал жену ἐκ τοῦ ἀνδρός, Мефодий добавляет, согласно с Быт. 2, 22, „от мужа ребро взем“. Согласно с Быт. 3, 6 Мефодий добавляет, что запрещенный плод мужу „дала жена“, а согласно с Быт. 3, 16—19 добавляет, что наказанием за грех прародителей была „страсть“ — их страдание.

Заканчивается ЗС советом „во вся дни въ Божий законъ наставляти“ — и патетическим пересказом евангельских слов (Мф. 25, 21 и 23): „грядете, благословении рабы вернии, в мнозе васъ оустрою, внидете въ радость Господа Бога вашего, веселящеся с ангелы въ веки веком. Аминь“.

Составитель ЗС был не только знатоком Св. Писания, но и хорошим византийским юристом. Для своего судебника он умело избрал и умело

использовал два византийских постановления — декрет „св. Константина" против язычества и действовавший в то время византийский свод законов— Эклогу.

Уже более 130 лет, со времен Розенкампфа, ищут источник приведенного в первой главе ЗС постановления св. Константина в византийских законах, но безуспешно. Примером может служить новейшая попытка болгарского профессора М. Андреева[15], утверждающего, что эта глава приводит конституцию из Феодосиева Кодекса (XVI, 10, 23). Приводим текст этой конституции параллельно с текстом декрета:

Constitutio Theodosii II, a. 423; 8 juna: „Paganos, qui supersunt, si aliquando in execrandis daemonum sacrificiis fuerunt comprehensi, quamvis capitali poena subdi debuerint, bonorum proscriptio ac exilium cohercebit". (Var. Cujacii: „et exilio coerceri". Theodosiani libri XII, r. Th. Mommsen, Berolini MDCCCC, p. 904).	Святыи Костянтинъ, первыи законъ вписавъ, преда, тако глаголя: яко всяко село, въ немже требы бывають или присягы поганьскы, да отдаються въ Божии храмъ со всемъ именьемъ, елико имуть господа та въ томъ селе, а иже творять требы и присягы, да продаються со всемъ имениемь своимь, а цена их дасться нищимъ.
Если оставшиеся язычники когда-либо будут схвачены при совершении жертв демонам, то хотя они должны бы быть подвергнуты смертной казни, их следует наказать лишением имущества и изгнанием.	Но Святой Константин, написавший упомянутый закон, постановил, говоря так: что всякое населенное место, в котором совершаются языческие жертвы или заклинания, должно быть отдано Божией церкви со всем имуществом, каковое имеют собственники в этом селении, а которые совершают жертвы и заклинания, должны быть проданы со всем своим имуществом, а полученные за них деньги должны быть розданы нищим.

Из сопоставления этих текстов ясно, что декрет, приведенный в первой главе ЗС, не мог быть взят из данной конституции. Конституция издана императором Феодосием II, а декрет носит имя св. Константина. В конституции субъектами преступления являются отдельные лица, сохранившие приверженность к язычеству, тогда как декрет имеет в виду прежде всего некий коллектив — население местности, где сохранился языческий культ, а затем уже отдельных лиц, уличенных в совершении обрядов этого культа. И санкции в декрете определены другие, а не те, которые определены в конституции. Декрет превращает всех жителей той местности, где сохранился языческий культ, в церковных париков, отдавая их землю и имущество церкви, а лиц, уличенных в совершении языческих обрядов, превращает в лишенных имущества рабов. Между тем конституция о церкви не упоминает, а виновных в совершении языческих обрядов наказывает лишь изгнанием и конфискацией имущества. Наконец, различно и назначение отобранного имущества: по декрету оно идет в пользу церкви или нищих, по конституции — в пользу государства.

Столь же неудачны догадки о происхождении декрета, исходной точкой которых служит упоминаемое в первой главе имя св. Константина. Изданная Строевым расширенная редакция ЗС и Печатная Кормчая во всех ее десяти изданиях считают автором декрета Константина Великого, тогда как на самом деле Константин издавал законы о свободе языческого культа

и уже Розенкампф считал ошибочным такое отождествление. Совершенно невероятно и предположение Г. Бараца и П. В. Оджакова, что ЗС под св. Константином разумел брата Мефодия — Константина-Кирилла, каковое предположение защищает и чешский филолог И. Вашица[16].

Совершенно немыслимо, чтобы священник-миссионер, и притом иностранец, каковым был Константин-Кирилл в Моравии, мог издать декрет о лишении всякой собственности и порабощении известной группы граждан другого государства. Такой декрет мог издать только носитель верховной власти для населения известной местности в своем государстве, то есть в данном случае один из византийских императоров, носивших имя Константина, каковых до составления ЗС было шесть. Так как декрет превращает население той местности, где сохранился языческий культ, в церковных париков, а этот институт явился не ранее VII века, то автором декрета можно считать только одного из императоров, носивших имя Константина в VII или VIII веке (в IX веке никто из византийских императоров не имел этого имени), то есть Константина IV (668—685), или V (741—775), или VI (780—797), а предшествующие тексту декрета вводные слова: „Святыи Костянтинъ, первыи законъ въписавъ, преда", то есть „Святой Константин, написавший первый закон, постановил..." указывают, кто именно из этих трех императоров здесь разумеется. Нужно обратить внимание, что во всех трех древнейших рукописях ЗС краткой редакции — Устюжской, Варсонофиевской и Новгородской и в более древней рукописи ЗС расширенной редакции, изданной Строевым, слово „первыи" отделено от слова „Костянтинъ" знаком препинания, откуда следует, что оно относится не к Константину, а к слову „законъ" и потому слово „первый" указывает на какой-то уже упомянутый закон. Между тем ранее, в самом заглавии упомянут только один закон — Закон судный людем, и значит автором декрета был тот же самый Константин, который был автором и Закона судного. Но так как из тридцати двух глав ЗС тридцать глав есть свободный перевод Эклоги, то ясно, что под св. Константином в первой главе разумеется тот византийский император, имя которого связано с происхождением Эклоги, а таким императором был Константин V Копроним, от имени которого и его отца Льва в 726 году[17] была издана Эклога, тогда как составитель ЗС был только ее переводчиком. Отсюда следует, что и декрет против язычников, о котором говорит первая глава ЗС, был издан тем же Константином V. Кроме того, содержание декрета, предписывающего применение строжайших принудительных мер для борьбы с язычеством, вполне соответствует духовному облику Копронима. Так как в его время граждане Византии были обязаны принадлежать к православной церкви, а декрет касается местности, где язычество господствовало, то нужно думать, что декрет имеет в виду местность, населенную нахлынувшими на Византию славянами и недавно подпадшую под византийскую власть. А так как по византийской церковнополитической идеологии византийский император считался царем всех христиан, то борьба с язычеством покоренного населения с помощью церкви казалась необходимой для укрепления этой власти, а превращение склонного к язычеству славянского населения в крепостных церкви казалось лучшим средством для успеха его христианизации. Поэтому наиболее вероятным временем издания декрета являются 758—759 годы, когда Константин V, по сообщению Феофана[18], совершив победоносный поход, „пленил Склавинние в Македонии и остальных подчинил", причем, по вероятному предположению[19], под Склавиниями нужно разуметь славянское население области Стримон — той именно области, где, как увидим далее, Мефодий был князем и для которой он составил ЗС. Это сообщение Феофана соответствует первой главе ЗС, где об участии населения, среди которого сохранилось язычество, сообщается, что одна его часть, очевидно попавшая в плен, должна быть продана в рабство, а другая подчинена церкви. Подобный декрет („сигилион") издал, по сообщению Константина Порфирородного [20], около

805 года император Никифор относительно славян в Пелопоннесе, после их неудачного нападения на Патрас, причем славяне вместе со своими семействами и родственниками и со всем своим имуществом были отданы церкви ап. Андрея в Патрасе и превращены в париков этой церкви. А позднее и отец Константина Порфирородного Лев VI (886—912) издал сигилион, регулирующий отношения между этою церковью и ее славянскими париками[21].

Содержание первой главы ЗС послужило для болгарских авторов Генова и Андреева главным доводом в пользу их теории, что ЗС издан для борьбы с язычеством в Болгарии, но эта теория не оправдывается содержанием остальных 31 глав ЗС, да и первая глава изложена в нарративном, а не в императивном стиле, как остальные главы, и производит впечатление, что составитель ЗС, подражая юстиниановым законодательным сборникам, начинающимся с постановлений о религии, начинает свой сборник императорским декретом такого же характера, как относящимся непосредственно к той области, для которой составлялся и ЗС.

Некоторое сомнение в авторстве св. Мефодия вызывает эпитет „святой", примененный в первой главе ЗС к иконоборцу Константину V. Но прежде всего нельзя быть уверенным, что этот эпитет был и в самом протографе ЗС, а не добавлен переписчиком, думавшим, что здесь идет речь о Константине Великом. Но вполне возможно, что этот эпитет был добавлен и самим Мефодием. В его эпоху этот эпитет был уже официальным титулом византийского императора, что видно, например, из трудов Константина Порфирородного, из новелл Никифора Фоки, из чина миропомазания императора, когда патриарх, совершая миропомазание, возглашал громким голосом „ἅγιος", а присутствовавшие на амвоне трижды возглашали этот титул[22]. Особенно охотно употребляли этот титул византийцы, когда нужно было внушить другим народам, какое великое значение имеет византийский царь. Примером может служить послание патриарха Антония 1393 г. русскому великому князю Василию Димитриевичу [23], где византийский император Мануил II Палеолог (1391—1425) пять раз величается святым, хотя, как вассал султана Баязида, он был вынужден помогать ему завоевывать христианское население[24]. И Мефодию было нужно внушить славянскому населению уважение к автору переводимого им судебника. Нужно обратить внимание и на то, что Константин V был не только царь, но и народный герой, к могиле которого бросились в минуту опасности византийцы, заклиная его встать и спасти отечество [25], а также и то, что Эклога издана не в 741 году, как это обычно предполагается, а еще в 726 году, до начала борьбы против иконопочитания, и что никаких следов иконоборчества в ней нет[26].

Наконец, нужно принять во внимание и то обстоятельство, что во время составления ЗС вопрос об иконопочитании еще не был решен окончательно и только собор 842 года положил конец спорам, подтвердив вселенское значение Никейского собора 787 года. В начале Устюжской и Иасафовской Кормчих, в которых есть текст и ЗС, перечисляются и даже дважды семь вселенских соборов и вместе с тем говорится: „Требѣ же есть вѣдѣти всякому крестьяноу, яко шьсть есть светихъ вселенскых сборъ"[27].

Ссылка первой главы ЗС на давний и невнесенный в законодательные сборники императорский декрет свидетельствует об основательном знании составителем ЗС юридических памятников, а умолчание составителя о своем имени свидетельствует об его скромности, каковая была характерной чертой духовного облика Мефодия, служившего в качестве помощника своему младшему брату — Константину-Кириллу[28].

Помимо первой и составленной в духе библейского законодательства второй главы все остальное содержание ЗС есть частью перевод, частью переработка, сообразно церковнополитической идеологии переводчика, назначению и цели перевода, действовавшего в то время в Византии краткого свода законов — Эклоги. Показателен уже самый выбор из обширного

византийского законодательства этого сборника законов, более гуманного, чем законодательство Юстиниана и отразившего на себе влияние славянского обычного права. Показателен он и в том отношении, что указывает на terminus ad quem составления ЗС — до издания заменившего его другого свода законов — Прохирона (870—879), что опровергает мнение многих авторов, относивших составление ЗС к концу IX или даже к X веку. А те дополнения и изменения, которые переводчик делает в Эклоге, характеризуют его как хорошего юриста. Составленная им вторая глава дает исчерпывающий перечень видов истцов и надежную гарантию добросовестности свидетелей. Он не следует рабски тексту Эклоги, а делает в нем важные и уместные коррективы. Говоря во второй главе II титула о духовном родстве, как препятствии браку, Эклога на первом месте запрещает заключать брак со своею крестницей, а затем уже говорит о браке с матерью крестницы, о браке сына кума с крестницей своего отца и с матерью крестницы отца, так как брак с крестницей, запрещенный конституцией Юстиниана от 1 октября 530 г. (Кодекс V, 4, 26), считается браком в первой степени духовного родства, а остальные случаи считаются браком в более отдаленных степенях. Между тем в своем криминальном отделе — XVII титуле, назначая в 25 и 26 главах наказания за брак в духовном родстве, Эклога о браке с крестницей не упоминает, и составитель ЗС восполняет этот пробел в 8 главе, назначая за брак с крестницей епитимию в продолжении 15 лет.

6 глава VIII титула Эклоги говорит, что выкупленный пленник может получить свободу, уплатив выкупившему его лицу уплаченную за него сумму, хотя бы своей работой для него, но не определяет размера платы за его работу, а составитель ЗС восполняет и этот пробел, определяя в двадцатой главе ЗС минимальную оценку работы выкупленного пленника в полтора раза дороже, чем она была определена в сотой новелле Льва Мудрого[29].

Тонким юристом заявляет себя составитель ЗС в тридцатой главе своего судебника, дающей addenda et corrigenda к краткой 16 главе Эклоги:

ὁ σῶμα ἐλεύθερον κλέπτων καὶ πιπράσκων χειροκοπείσθω. Эта 30 глава ЗС стоит в связи с упомянутой его 20 главой, назначая наказание за порабощение выкупленного военнопленного. Слово σῶμα означает не только тело, но и человека, личность, а в соединении с адъективом ἐλεύθερον имеет смысл термина, означающего человека юридически свободного, но фактически временно находящегося на положении раба, обязанного работать на своего господина. В таком положении и находится выкупленный военнопленный, обязанный возместить своей работой выкупившему его лицу уплаченную за него цену. Таким образом положение такого выкупленного военнопленного было аналогично положению русских временнообязанных крестьян после освобождения, и потому перевести эту главу можно бы так:

„У укравшего и продавшего временнобязанного отрубаются руки".

Между тем составитель ЗС, как и переводчик Схоластиковой Синагоги, обычно переводит свободно, придавая значение не букве, а смыслу[30], и в данном случае делает четыре нужных и важных корректива к слишком краткому тексту Эклоги.

Украсть можно только то, что кому-либо принадлежит, но выкупленный военнопленный был ἐλεύθερον σῶμα, был юридически свободным, а свободный человек никому принадлежать не может, и потому ЗС, за неимением соответствующего славянского термина для означения временнообязанного, говорит о краже не свободного человека, а говорит о краже свободы, то есть о лишении свободы юридически свободного человека путем продажи его в рабство.

Лишить свободы можно не только путем продажи в рабство, но и путем превращения его в своего раба, и потому ЗС добавляет: „ли поработить".

Отсечение обеих рук у поработителей слишком жестоко, и потому ЗС,

применяя и здесь ветхозаветное начало талиона (Исход 21, 24), говорит: „да поработиться, яко же и он“.

Отсечение обеих рук у поработителя само по себе не улучшает положения обоих пострадавших от поработителя — порабощенного и выкупившего его хозяина, лишившегося своего временного работника, и потому ЗС заменяет членовредительство порабощением поработителя, благодаря чему и выкупивший получает в лице поработителя нового работника, и выкупленный, если поработитель превратил его в своего раба, получает уже фактическую свободу.

Между тем обычно ошибочно толкуют эту главу, заменяя слово „свободу“ словом „свободного“. Но во всех без исключения рукописях краткой основной редакции ЗС стоит именно слово „свободу“ и притом дважды; а для означения свободного человека употребляется слово „свободь“ (гл. 20), тогда как для означения освобожденного раба, вольноотпущенника, употребляется слово „свободникъ“ (гл. 19) и никак нельзя произвольно заменять одно слово текста другим. В частности эту ошибку делает и В. Ганев в своем обширном труде о ЗС (стр. 566—577). Не считаясь с греческим оригиналом тридцатой главы ЗС, он толкует эту главу в том смысле, что укравший и продавший или поработивший свободного человека наказывается тем, что сам делается рабом порабощенного. Но, во-первых, украсть можно только того, кто кому-либо принадлежал, и потому кража свободного человека есть contradictio in adjecto, а во-вторых, как может поработитель сделаться рабом порабощенного им, когда порабощенный будет продан им и увезен в другую местность или даже в другое государство? Кроме того, такое толкование упускает из вида законные интересы лица, выкупившего военнопленного. Он и лишился выкупленного им работника, захваченного поработителем, и ничего не приобретает, если этот работник сделается не только свободным и фактически, но и господином своего поработителя.

Мудрую поправку к 29 главе XVII титула Эклоги делает Мефодий в 9 главе ЗС. По Эклоге, вступивший в половую связь с девицей с ее согласия, но без согласия и ведома ее родителей, если родители не согласятся на брак дочери или он сам не захочет на ней жениться, должен уплатить ей литр золота, то есть 72 „номизмы“ — золотых монет по 4,48 грамма — около 1100 золотых франков. И теперь это довольно значительная сумма, а в ту эпоху, когда должник, по 100 новелле Льва Мудрого, должен был работать для заимодавца 36 лет, она представлялась много большей, и у родителей девицы мог бы явиться соблазн обогатиться, не согласившись на брак дочери, вследствие чего и она и тот, который „возлюбить пояти ю“, лишились бы возможности заменить незаконное сожительство законным браком. Между тем ЗС, ставя заключение брака в зависимость только от воли соблазнителя, предоставляет им такую возможность, исключая вместе с тем возможность материального соблазна для родителей. А отказавшийся жениться на соблазненной по ЗС наказывается не только лишением значительного имущества, но и кумулятивно — семилетней епитимией.

Существенную поправку делает ЗС в своей 21 главе к 9 главе Эклоги. По Эклоге, даже табулларии (нотариусы) не могут по слуху свидетельствовать о неуплате или уплате долга, как будто во всех других случаях свидетельствовать по слуху дозволено. ЗС, повторяя вслед за Эклогой, что по слуху нельзя свидетельствовать о неуплате долга, добавляет: „или ино что“, а упоминание о несуществовавшей у стримонцев должности табулларнев заменяет упоминанием о жупанах, которые, по-видимому, исполняли важную в славянском судебном процессе должность судебного пристава.

Вполне уместный корректив делает и 23 глава ЗС к 7 главе XVII титула Эклоги. По Эклоге, при безвозмездном пользовании (commodatum) чужим конем ответственность за вред или смерть коня существует тогда, когда конем пользовались далее уговоренного места, откуда можно сде-

лать вывод, что вред, причиненный чужому коню, или его смерть хотя бы и по вине пользовавшегося на уговоренном расстоянии, ответственности не подлежит. Между тем по ЗС собственник коня, безвозмездно давший своего коня в пользование до известного места, ни в каком случае не должен пострадать за свою доброту и пользовавшийся конем должен возместить собственнику причиненный во время пользования вред коню или его смерть.

Для решения вопроса о назначении ЗС очень показателен тот факт, что из всех случаев безвозмездного использования он упоминает только об одном — об использовании коня, а из 25 главы ЗС, как и из 8 главы Эклоги, видим, что во время войны конь имел бо́льшую ценность, чем даже оружие.

Наконец важную поправку к Эклоге делает ЗС в своей последней 32 главе, говорящей о поводах к разводу. Тогда как Эклога перечисление этих поводов неудачно заканчивает негативным положением, что брак не разводится, если один из супругов сделался бесноватым после брака (тит. II, гл. 13), ЗС заменяет это положение положительным предписанием, что брак разводится, если один из супругов „преже шествия", то есть прежде перехода жены в дом мужа, что и по Эклоге (тит. II, гл. 8), и по славянскому обычному праву считалось формой заключения брака, „въ злу язю впадаеть", то есть имеет тяжелую болезнь, исключающую возможность брачного сожительства.

Вследствие тесной связи Церкви с государством в Византии хороший юрист здесь должен был быть и хорошим канонистом. Таким канонистом и был св. Мефодий, что доказывает сделанный им сокращенный перевод Схоластиковой Синагоги, являющийся первым славянским Номоканоном, а также и анонимная гомилия в Клозовом сборнике[31], где защищается каноническая акривия. Но содержание ЗС доказывает, что и составитель этого памятника был осведомленным канонистом, искусно использовавшим каноны для смягчения многих наказаний, определенных в Эклоге. При этом очень показателен критерий, которым руководился составитель ЗС при пользовании каноническим кодексом. При переводе Схоластиковой Синагоги Мефодий особое внимание оказывал канонам Василия Великого. Опуская многие важнейшие каноны — апостольские и вселенских соборов, он включил в свое сокращение Синагоги 34 канона этого отца церкви, иногда очень обширных. Такое же предпочтение этим канонам оказывает и составитель ЗС. Его канонические добавления к главам 4, 5, 6 и 9, определяющие епитимию за блуд, соответствуют 40, 42 и 53 канонам Василия, постановление об епитимии за прелюбодеяние в 8 главе соответствует 58 канону, епитимия за изнасилование в 10 главе назначена согласно 22 канону Василия. Об епитимии за брак в духовном родстве (ЗС гл. 7 и 8), за двоеженство (гл. 14) и за поджог (гл. 16) каноны Василия не говорят, но и тут составитель ЗС руководился теми же канонами, приравнивая брак в духовном родстве к прелюбодеянию, двоеженство — к блуду и поджог — к убийству.

Определяя срок епитимии за поджог, составитель ЗС объясняет, почему именно такой срок назначает за это преступление: „яко вражебник есть", а слово „вражебник" в древнеславянском языке означало убийцу, как объект „вражды" — дозволенной, а иногда и обязательной по древнеславянскому обычному праву мести за убийство. Так как в правилах Василия Великого был определен срок епитимии только за убийство, а не за поджог, то чтобы обосновать срок епитимии за поджог, Мефодий приравнивает поджог к убийству.

В эпоху Мефодия, помимо Синагоги Схоластика, существовали и другие канонические сборники, из которых в Цареградской патриархии наибольшим авторитетом пользовался анонимный канонический сборник XIV титулов, составленный еще во второй четверти VII века. Но его церковно-политическая идеология — идеология цезарепапизма и восточного папизма — не отвечала убеждениям Мефодия и в его трудах нет следов поль-

зования этим сборником. Однако он принимал во внимание и более поздние каноны, изданные уже после составления Схоластиковой Синагоги. Так, основанием для наложения пятнадцатилетней епитимии за брак с кумой, то есть овдовевшей матерью крестника, или с крестницей для Мефодия послужил 53 канон Трулльского (VI Вселенского) Собора. Этот канон наказывает вступивших в такой брак расторжением брака и епитимией блудников (τῶν πορνευόντων). В правилах Василия Великого о запрещении такого брака не говорится, а блудники наказываются семилетней епитимией (кан. 59). Но так как в начале 53 трулльского канона говорится, что „сродство по духу есть важнее союза по телу", то Мефодий применяет здесь более строгий 58 канон Василия, карающий прелюбодеяние пятнадцатилетней епитимией.

Нужно заметить, что 7 и 8 главы ЗС, говорящие о сродстве по крещению, часто понимаются ошибочно. Например Vaillant понимает слово „куепетра" — кума в 7 главе ЗС в смысле „marraine" — совоприемница, крестная мать (см. прим. 6), тогда как 53 канон Трулльского Собора запрещает брак с μητράσι χηρευούσαις. Ганев (271—277) слова 8 главы: „от святаго крещения" связывает не со словом „къщерь", а со словом „поиметь", означающим здесь, как и в 7 главе ЗС, не восприемничество при крещении, а вступление в брак, и потому ошибочно толкует 8 главу в смысле запрещения отцу быть восприемником своей родной дочери, а не в смысле запрещения брака со своей крестницей.

Все эти многочисленные черты сходства между несомненно принадлежащим Мефодию переводом Синагоги Схоластика и ЗС, как и сопоставление сообщаемых источниками сведений о Мефодии с содержанием ЗС, дают полное основание считать Мефодия составителем этого памятника. Но и помимо этого в ЖМ существует и прямое свидетельство об авторстве Мефодия. Пятнадцатая глава ЖМ, целиком посвященная литературной деятельности Мефодия, во второй своей половине перечисляет его переводы, которые он сделал еще до перевода им Ветхого Завета, частью „съ философъмъ", то есть со своим братом Константином-Кириллом, частью „тогда же", то есть еще при жизни брата, но самостоятельно. Как самостоятельный перевод Мефодия здесь указан „номоканонъ, рекше законоу правило". Обычно относят это указание ЖМ только к Мефодиеву переводу Схоластиковой Синагоги. Но Номоканоном в строгом смысле этого термина называется сборник не только канонов — церковных правил, но и гражданских законов, и сам составитель ЖМ поясняет этот термин словами „рекше законоу правило". Между тем Мефодиев перевод Синагоги есть систематический сборник одних канонов, тогда как ЗС есть перевод Эклоги — сборника гражданских законов. Отсюда следует, что, упоминая о Номоканоне, автор ЖМ имел в виду не только Мефодиев перевод Синагоги, но и его перевод Эклоги, то есть ЗС, как вторую, гражданскую часть Номоканона.

Правильно решая вопрос об авторе ЗС, моравская теория неправильно решает вопрос о назначении этого памятника. Переходим к рассмотрению этого вопроса.

Глава II

ДЛЯ КОГО СОСТАВЛЕН ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ

Ошибочное и правильное понимание значения слова „людие" в заглавии и тексте ЗС. Чем объясняется частичное использование Эклоги в ЗС. Характер преступлений, упоминаемых в ЗС. Место, занимаемое третьей главой в ЗС.

Внимательный анализ содержания ЗС и сопоставление его с сообщаемыми источниками сведениями о деятельности Мефодия не только подтверждает доказываемое филологическим анализом языка памятника авторство Ме-

фодия, но и дает определенный и убедительный ответ на вопрос о назначении памятника.

О том, для кого составлен ЗС, говорит уже самое его заглавие: „Закон судный л ю д е м". Первые два слова в этом заглавии вполне ясны и могут быть заменены одним словом: „судебник". Но третье и последнее слово „людем", которое говорит о том, для кого именно составлен этот судебник, имеет слишком широкое значение и само по себе не дает определенного понятия о назначении ЗС. Само собою разумеется, что судебники издаются не для животных и потому, если бы под людьми в заглавии разуметь вообще всех представителей рода homo sapiens, то слово „людем" было бы совершенно излишне. Так и думает, например, В. Ганев, переводя заглавие ЗС словами: „съдбен закон" (стр. 161). С этим нельзя согласиться: как хороший юрист, Мефодий не стал бы добавлять ненужное слово, да еще в самое заглавие юридического памятника. На самом деле это слово здесь нужно, но не имеет широкого, общего значения, а употреблено в каком-то узком, специальном смысле, определяя соответствующее назначение памятника. Вашица и Бобчев считают, что под „людьми" ЗС разумеет лаиков, мирян, но не духовных лиц. Ганев, приводя их мнение, возражает, что глава 6 ЗС говорит о духовном лице[32], под которым он, как и все болгарские авторы, разумеет монаха. Но, во-первых, монахи, если они не имеют духовного сана, не являются духовными лицами, а во-вторых, 6 глава ЗС[33] говорит не о монахе, а о „черньци", о „черници" или о „черноризици", как гласит Иасафовская рукопись (л. 39), то есть о монахине, что видно и из оригинала ЗС — из XVII, 23 Эклоги и из Обширной редакции ЗС. Но нельзя согласиться и с мнением Бобчева и Вашицы, так как из 52 преступлений, упомянутых в XVII титуле Эклоги, ЗС упоминает только 24, как будто миряне не могут быть виновны и во всех остальных 28 преступлениях. Не объясняет такое понимание слова „людем" и другой характерной особенности ЗС, на которую, кажется, никто из исследователей этого памятника до сих пор не обратил внимания, — а именно, что в ЗС субъектами преступления являются лишь мужчины, а женщины упоминаются только тогда, когда говорится о преступлениях полового характера, только как необходимые соучастницы или жертвы таких преступлений, причем ЗС обычно определяет наказания только для мужчин, а для женщин лишь в одном случае — в 7 главе, да и то, очевидно, под влиянием своего оригинала — Эклоги (XVII, 25). Особенно показателен в этом отношении текст 6 главы ЗС. Тогда как оригинал этой главы — 23 глава XVII титула Эклоги говорит о блуде с монахиней и наказывает отсечением носа как блудника, так и монахиню, 6 глава ЗС соучастницей преступления блуда — монахиней, обычно караемой за нарушение обета девства тяжелее, чем обычная женщина, совершенно не интересуется, а имеет в виду только лицо мужского пола — блудника. Но если ЗС в своих постановлениях судебного уголовного характера не имеет в виду женщин, то нельзя думать, что слово „людям" в заглавии ЗС означает вообще мирян, так как все женщины в церковном отношении принадлежат к чину мирян, а под словом „людем" следует разуметь только мирян-мужчин — или всех вообще, или известную их категорию.

Профессор Софийского университета Н. П. Благоев[34] полагает, что под „людьми" в ЗС разумеются лица, живущие на монастырской земле и подчиненные суду монастыря, в каком смысле слово „люди" употребляется в некоторых монастырских актах, а автором ЗС считает некоего монаха. Но, во-первых, на монастырских землях жили не только мужчины, но и женщины, и если бы ЗС имел в виду население монастырских земель, он говорил бы и о преступлениях женщин, а во-вторых, показательно не то, в каком смысле слово „людем" употреблялось в неких монастырских актах и притом более позднего времени, а показательное и даже решающее значение имеет тот смысл, в каком это слово употреблено в самом ЗС, так как в юридических памятниках слова, означающие основные понятия, везде, как в заглавии,

так и в самом тексте, должны иметь одно и то же значение. А в тексте ЗС слово „люди“ встречается только два раза, а именно в третьей главе „о полоне“ в следующем контексте:

„шестоую часть достоить взимати князю, а прочее все число взимати всѣм людѣмъ. в равьноую часть раздѣлити великаго и малаго, довлѣеть бо жюпаномъ княжа часть... аще ли обрящються етери от тѣхъ дьрьзноувше или къмети, или простыхъ людии. подвигы и храбьрьство съдѣявше. обрѣтаяися князь или воевода в то время. от реченаго оурока княжа. да подаеть“, то есть:

„Шестую часть (военной добычи) следует получить князю, а все остальное количество разделить поровну всем л ю д я м, начальникам и подчиненным, так как для жупанов достаточно и княжеской части... А если некоторые из них (жупанов) или начальники отрядов или простые люди окажутся мужественными, совершив подвиги и проявив храбрость, то находящийся в то время князь или воевода пусть уделит от упомянутой княжеской части“.

Отсюда видно, что „людьми“ ЗС называет вообще всех воинов, включая сюда и жупанов и начальников отрядов, исключая только воеводу и князя, а когда имеет в виду рядовых воинов, называет их уже „простыми людьми“[35]. Упоминание приведенной выдержки о военной добыче, о военной иерархии — князе, воеводе, жупанах, комитах, о военных действиях заставляет думать, что ЗС составлен для войска, почему правильный перевод заглавия ЗС был бы: „Воинский судебник“, а славянский язык памятника заставляет думать, что этот воинский судебник составлен для войска славянского.

О назначении ЗС для славянского войска говорит не только его заглавие, но и все содержание памятника, и если такое назначение памятника не бросается в глаза и до сих пор не было выявлено, то это потому, что славянское войско, для которого составлен ЗС, не имело характера регулярного войска, до некоторой степени отделенного от остального населения, а имело характер ополчения, участники которого в мирное время превращались в обычных граждан, почему законодательство о нем должно было коснуться жизни его членов и в мирное время, в частности семейного права.

Узким специальным назначением ЗС как судебника для славянского войска объясняется прежде всего тот факт, что из своего главного источника — Эклоги Мефодий использовал только его незначительную часть, а именно из 133 глав Эклоги он использовал только те 30 глав, которые нужны были ему для его судебника, причем это использование было крайне неравномерно— из 18 титулов, на которые разделена Эклога, целиком был использован в третьей главе ЗС только один последний XVIII титул Эклоги, говорящий о разделе военной добычи, из 52 глав XVII титула Эклоги уголовного содержания [36] были использованы в ЗС 25 глав, из II титула — две главы, касающиеся семейного права, три главы из титула XIV, говорящие о процессуальном праве, и одна глава из титула VIII — об выкупленном военнопленном, тогда как предисловие Эклоги и остальные ее тринадцать титулов не использованы совершенно.

О назначении ЗС для славянского войска свидетельствует как пол преступников, упоминаемых в уголовном отделе этого судебника, так и характер их преступлений. Мы уже видели, что за исключением только одной 7 главы, говорящей о преступнике мужчине, но наказывающей как соучастницу преступления и женщину, все остальные главы ЗС говорят о преступлениях и наказаниях только мужчин, но и из преступлений, в которых могут быть виновны мужчины, ЗС упоминает лишь такие, в которых могут быть виновны преимущественно воины, как молодые люди, склонные к соблазнам полового характера и к злоупотреблениям своим оружием и физическою силою, применять которую они привыкли на войне. Здесь упоминается 13 преступлений полового характера, а именно блуд женатого со своей рабой (гл. 4), блуд с чужой рабой (гл. 5), блуд с монахиней (гл. 6),

брак со своей кумой (гл. 7), брак со своей крестницей (гл. 8), блуд с замужней (гл. 8), блуд с девицей (гл. 9), изнасилование девицы (гл. 10), блуд с несовершеннолетней (гл. 11), изнасилование обрученной другому (гл. 11), блуд с обрученной другому (гл. 12), брак в кровном родстве (гл. 13) и двоеженство (гл. 14).

Скорее всего воины могли быть виновны и в других преступлениях, предусмотренных в ЗС.

Войны в ту эпоху часто имели характер карательных экспедиций, причем поджог неприятельских сел и городов был наиболее легким средством нанести возможно больший вред врагу, а привыкнув к такому способу мести неприятелям, воины прибегали к нему и для сведения личных счетов и для грабежа во время пожара (гл. 16). Привыкнув во время войны употреблять силу, воины и в мирное время прибегали к насилию, и потому ЗС упоминает такие преступления, как самоуправство (гл. 18), нарушение права церковного убежища (гл. 17) и захват чужого леса (гл. 15). С войной было связано и отступничество от веры попавших в плен к язычникам или мусульманам воинов (гл. 22). Привыкнув на войне считать своим неприятельское имущество, воины и в мирное время легче подвергались соблазну покушаться на главное богатство и своих сограждан — их коней (гл. 23) и скот (гл. 24 и 27). Только воины могли быть виновны в краже коня или оружия на войне (гл. 26). Привыкнув порабощать неприятелей, воины подвергались соблазну порабощать и своих сограждан (гл. 30) или захватывать их рабов (гл. 31), привыкнув обирать убитых неприятелей, воины снимали одежды и с погребенных своих сограждан (гл. 27). О военном характере той среды, для которой предназначался ЗС, свидетельствуют и частые упоминания в нем (в 15 главах из 32) о рабах и порабощении, а в рабов обычно превращались военнопленные.

Наконец о назначении ЗС для войска говорит уже самое место, занимаемое в нем его третьей главой, озаглавленной „о полоне“ и подробно регулирующей распределение военной добычи между воинами. Тогда как в главном источнике ЗС — в Эклоге соответствующий этой главе трактат Περὶ διαμερισμοῦ σκύλων помещен в самом конце этого законодательного памятника, как его последний, XVIII титул, и, не связанный с предшествующим XVII титулом, имеет характер какого-то добавления, в ЗС трактат „о полоне“ помещен в третьей главе перед основным уголовным содержанием памятника, как бы с целью предупреждения, кого будут касаться все дальнейшие главы.

Глава III

ГДЕ И КОГДА СОСТАВЛЕН ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ

Св. Мефодий не имел ни мотивов, ни права издавать ЗС в Моравии, а имел и то и другое на месте своего княжения. Этим местом не была Фессалия, а был Стримон. Св. Мефодий княжил в Стримоне и составил там ЗС не в пятом, а в четвертом десятилетии IX века.

В тексте ЗС не указаны ни место, ни время его составления, а в научной литературе об этом памятнике давались различные, и, нужно признать, неудачные ответы на эти вопросы. Местом составления ЗС указывали то Моравию, то Болгарию, а самое составление относили то к концу жизни Мефодия, то к концу IX и даже к X веку. Но установленное в первой главе авторство Мефодия и во второй главе назначение ЗС для славянского войска, в сопоставлении с сообщаемыми в ЖМ и других источниках биографическими данными о Мефодии, дает возможность в этой III главе выяснить ошибочность прежнего и правильность нового решения этих вопросов.

Составление Мефодием ЗС для славянского войска показывает, что ЗС не есть какой-то теоретический кабинетный труд, а есть законодательство, преследующее определенную практическую цель — урегулирование пра-

вового быта некоего славянского войска. Но издать такое законодательное положение Мефодий мог только там и тогда, где и когда имел как мотивы, так и право это сделать. Где же и когда Мефодий имел мотив и право издать ЗС?

В отличие от своего младшего брата Кирилла, вся деятельность которого была посвящена служению Церкви и науке, деятельность Мефодия резко распадается на два периода. По существовавшему в Византии обычаю, Мефодий, как старший сын друнгария Льва, сначала поступил на военную службу и служил там же, где и отец — в Солуни, затем был вызван императором в Константинополь и назначен им на боевой пост — на должность славянского князя в область, находящуюся на болгарской границе, где и прослужил десять лет, но в конце службы он пережил некий душевный кризис, он „омерзне на све, отбаци оружіе, отиде оу гору Олимпъ, буде монахом под преіменованіемъ Мефодіа вмѣсто Михаила[37], прежашнего свога имена". На Малоазийском Олимпе он, вместе с братом Константином-Кириллом, „книгах прилежя", участвовал вместе с братом в хазарской, а затем в моравской миссии, а после смерти брата (869 г.) возглавил эту миссию. Уже этот беглый обзор деятельности Мефодия указывает на невозможность относить составление ЗС ко второму, церковному периоду этой деятельности, и не только потому, что, разочаровавшись в военной службе и порвав с нею всякую связь, он не мог иметь ни мотивов, ни поводов к составлению такого воинского судебника, но и потому, что, и как монах и как Моравский архиепископ, он и по государственным законам и по канонам не имел ни полномочий, ни права издавать такой судебник. „Яко недостоить епископу и всякому священику мирьскыихъ и людьскыхъ всѣхъ въсприимати печалии", гласит заглавие XIV титула переведенной самим же Мефодием Схоластиковой Синагоги[38], а в тексте этого титула приведено 6 апостольское правило: „Епископъ, ли попъ, ли дияконъ мирьских печалии да не пріемлеть; аще ли не хощет, то да извержеться священия"[39]. То же наказание налагает 83 апостольское правило на всякого священнослужителя, если он „воинъство държа"[40]. А что Мефодий и на деле был сторонником канонической „акривии", доказывает анонимная гомилия в Клозовом сборнике. Вместе с тем уже одно сообщение ЖМ, что Мефодий долгое время занимал должность славянского князя, делает вероятным предположение, что именно для войска этого княжества и во время своего княжения Мефодий составил ЗС, а совпадение некоторых подробностей, касающихся этого княжения, с содержанием ЗС превращает вероятность такого предположения в несомненность. Где же находилось это княжество Мефодия и когда он был славянским князем?

По вопросу о местонахождении Мефодиева славянского княжества в научной литературе существуют два мнения. Еще более ста лет тому назад — в 1854 году Ф. Дюммлер доказывал, что Мефодий был князем в византийской области Стримон (Στρύμων) в Македонии на реке Струме[41]. Не ссылаясь на Дюммлера, так же определяли место княжения Мефодия Франьо Рачки[42], Фр. Дворник [43] и Р. Н. Наследова[44]. Но в 1872 году проф. Марин Дринов, по-видимому не зная аргументацию Дюммлера, в конце своей статьи „Заселение Балканского полуострова славянами"[45] высказал предположение, что княжество Мефодия находилось в Фессалии. Ссылаясь на Дринова, это мнение повторяют К. Иречек[46] и И. Малышевский[47].

Этот спор решается в пользу Стримона, по-видимому неизвестным упомянутым авторам, сообщением „Хилендарского Сказания"[48] и „Истинной повести"[49], что Мефодий был послан царем Феофилом „оу оне предѣле, кои су граничили с Болгарским народом". Тогда как Стримон во время княжения Мефодия был византийской областью, граничившей с Болгарией, Фессалия с Болгарией в то время не граничила. Правильность такого решения вопроса подтверждается и сообщением Похвального слова свв. Кириллу и Мефодию, что во время своего княжения Мефодий проявил воинскую доблесть — „на войнѣ яко Самъсонъ и Гедеон и Іисоусъ Навьгин

страшьнъ являшеся"[50], очевидно, защищая византийскую границу от болгар. А о том, что именно во время княжения Мефодия болгары нападали на Стримон, свидетельствует тот факт, что около 836—838 г. в г. Хризуполе, в юго-восточной части Стримона, для борьбы с болгарами было расположено войско византийского цезаря Алексея Мозеле, вероятно в помощь Мефодию[51].

ЖМ сообщает, что княжение Мефодия продолжалось „лѣта многа", а другие источники, например, Проложное житие Мефодия, Хилендарское Сказание, Истинная повесть, определяют эту продолжительность десятью годами, но датировка этих лет недостаточно выяснена. Нельзя согласиться с обычной датировкой этих лет пятым десятилетием IX века, так как она доказывается ошибочной аргументацией и противоречит данным, сообщаемым источниками. Так, автор солидной монографии о славянских первоучителях проф. Иван Игн. Малышевский предполагает, что „назначением Мефодия на княжение к соседним славянам Фессалии распорядился Феоктист" логофет, почти одновременно с вызовом в Константинополь его брата Константина в 843 году, ставя это назначение в связь с походом против славян пелопоннесского стратега протоспафария Феоктиста Вриенния[52]. Но, во-первых, мы уже видели, что Мефодий был назначен князем не в Фессалию, а в Стримон. Во-вторых, сам же Малышевский, ссылаясь на Папаригопуло, допускает, что поход Феоктиста Вриенния был совершен не в 843 году, а в более позднее время, и потому подчеркивает, что его датировка княжения Мефодия может быть „только предположением". В-третьих, если логофет Феоктист мог вызвать в Константинополь младшего брата — Константина, которому в 843 году было только 16 лет, выхлопотать назначение Мефодия, которому в этом году было не менее 30 лет, он мог и гораздо ранее, так как влиятельную должность логофета занял не позднее 832 года, и при императоре Феофиле, благодаря близости к императрице Феодоре и к матери императора вдовствующей императрице Евфросинии, занимал такое положение, что сам Феофил должен был вступить с ним в соглашение относительно судьбы патриарха Иоанна Грамматика[53].

Не ссылаясь на Малышевского, и автор новейшего обширного исследования о славянских первоучителях Фр. Дворник относит княжение Мефодия к 843—856 годам[54], объясняя отказ Мефодия от военной службы в 856 году убийством в этом году его покровителя логофета Феоктиста Вардой, так как Мефодий не хотел служить при режиме, утвердившемся на крови его благодетеля. Однако сам же Дворник оговаривается, что этого нельзя утверждать с уверенностью, особенно принимая во внимание склонность Мефодия к монашеской жизни[55].

Но ведь если Мефодий назначен был князем в 843 году, а источники свидетельствуют, что он княжил 10 лет, то эту должность он должен был покинуть не в 856 году, а на три года раньше, а с другой стороны, если признать, что Мефодий отказался от княжения в 856 году, то назначение на эту должность он не мог получить в 843 году, а на три года позднее.

К 840—850 гг. относит княжение Мефодия и сербский историк Стоян Новакович, предполагая, что в 840 году Мефодию было 30 лет, но не приводя никаких доказательств в пользу своего предположения[56]. Но в ту эпоху правоспособность и зрелость начиналась очень рано, и Мефодий мог получить должность славянского князя и гораздо раньше. По действующему в то время в Византии своду законов, по Эклоге, дети считались правоспособными для заключения обручения, если они этого желали и с согласия родителей, начиная с семилетнего возраста (Эклога, тит. I), а для заключения брака — девицы 13 лет, а юноши 15 лет (Эклога, тит. II, гл. 1). Семилетнему младшему брату Мефодия Константину снится, что ему предлагают выбрать себе невесту (ЖК, гл. 3); когда ему было 16 лет, его вызывают в Константинополь и вскоре же по его прибытии туда логофет Феоктист предлагает ему жениться на его крестнице, обещая ему теперь же „кня-

жение", а в будущем и должность стратега (ЖК, гл. 4), и после его отказа его посвящают в сан священника, а когда ему было около 20 лет, он успешно выступает в защиту иконопочитания против известного своею ученостью бывшего константинопольского патриарха Иоанна VII Грамматика (837—843, ЖК, гл. 5). Младший брат Льва Мудрого Стефан 18 декабря 886 года, когда ему было всего 18 лет[57], ставится Константинопольским патриархом, а сан священника он получил еще ранее.

Неимеющая в свою пользу никаких убедительных доказательств и неуверенно высказываемая самими ее защитниками датировка княжения Мефодия пятым десятилетием IX века противоречит данным, сообщаемым источниками.

Паннонское ЖМ, чья достоверность достаточно убедительно доказана еще Малышевским, а в новое время Дворником, о назначении Мефодия князем говорит: „Царь, увѣдевь быстрость его (Мефодия), княжение ему дасть држати Словѣнско" (ЖМ, гл. 2). Но ведь в 843 году царь Михаил III был еще ребенком[58] и потому не мог ни оценить способности Мефодия, ни поставить его на ответственную должность славянского князя. Даже несколько позднее 843 года, когда логофет Феоктист решил поставить брата Мефодия Константина патриаршим библиотекарем, он обратился не к царю, а к царице Феодоре (ЖК, гл. 4).

Нужно обратить внимание на одну деталь в ЖМ. Говоря в 5 главе о моравской миссии славянских просветителей, ЖМ дважды упоминает имя отправившего их туда царя — Михаила, но, говоря о назначении царем Мефодия на славянское княжение, имя назначившего его царя почему-то умалчивает. И причину этого умолчания раскрывают греческие источники и основывающаяся на них „Истинная повесть" Дионисия Поповича, сообщая, что славянским князем Мефодий был назначен еще предшественником и отцом Михаила III царем Феофилом (829—842), при котором протекло и все служение Мефодия в должности славянского князя и который дал повод и к отказу Мефодия от этой должности. Но Феофил был иконоборцем[59], а составитель ЖМ боялся упоминанием его имени как в данном месте, так и во всем ЖМ бросить тень и на самого Мефодия, хотя и несомненно, что spiritus movens при назначении Мефодия был не сам Феофил, а покровитель семьи отца Мефодия друнгария Льва логофет Феоктист.

Сообщают эти источники — основывающиеся на утерянном греческом „Хилендарском Сказании" греческое издание „Οὐρανοῦ κρίσις", и славянская „Истинная повесть о Кирилле и Мефодии" — и некоторые даты, по которым можно определить время княжения Мефодия. Так „Истинная повесть" сообщает, что Мефодий еще в Солуни „постане войникомъ, и будучи да е быо мужественъ и весма достоянъ, за то чувенъ буде оу самомъ Царскомъ двору. Оу време дакле Царя Феофила Иконоборца лета Христова осам сто двадесеть деветогъ, донде оу Цариградъ на заповесть Царску от Царя Феофила, као Военачалникъ, оу оне пределе, кои су граничили с Болгарским народом... И када тамо десет година поживи, онда врати се опет у Цариград, но гоненія ради, кое е подигао быо против святых іконъ Богомерзкій Феофилъ, омрзне на све, отбаци оружие..."[60].

Таким образом эти источники говорят не только о продолжительности княжения Мефодия, но указывают и год его вызова в Константинополь, совпадающий с началом царствования Феофила (829 г.). А Проложное житие Мефодия по Львовской рукописи, подтверждая сообщение греческих источников, говорит, сколько было лет Мефодию, когда он сделался князем:

„...бѣ же из оуности оуноша мудръ бесѣдою, крѣпокъ тѣломъ, тѣмъ и знаемъ, бѣ царевн. имѣвши его царь всегда пред собою, егда же бысть. к҃. лѣть. постави его княземь въ Словѣньхъ, и пребывъ тамо. і҃. лѣть. ізвыче языкъ словеньскыи..."[61]

Отсюда видно, что, вызвав Мефодия в Константинополь, Феофил не сразу поставил его славянским князем, а только после некоторого времени,

когда он служил у самого царя. А так как „Истинная повесть“ говорит, что в Константинополь Мефодий был вызван в 829 году и что от княжения он отказался еще при жизни Феофила, скончавшегося 20 января 842 г., то отсюда следует, что Мефодий мог быть назначен князем в 830 или в 831 году, а отказался от княжения в 840 или 841 году. Сообщение Проложного жития, что Мефодию во время его поставления князем было 20 лет, позволяет определить и год его рождения 810 или 811 годом.

С такой датировкой рождения и княжения Мефодия согласуются и данные, сообщаемые другими источниками. Младший брат Мефодия Константин родился в 827 году [62], а так как, по сообщению ЖК (гл. 2), у родителей Мефодия было 7 детей, то 810 или 811 год, как год рождения старшего из них — Мефодия, является вполне вероятным. В пользу 811 года говорит и мирское имя Мефодия — Михаил, данное ему, быть может, в честь тогдашнего императора Михаила Рангаве (2 окт. 811—11 июля 813), защитника иконопочитания, что отвечало и убеждениям отца Мефодия.

Мы уже видели, что покровитель семьи друнгария Льва Феоктист занял влиятельную должность логофета не позднее 832 года и следовательно мог занять эту должность вскоре же после воцарения Феофила и ранее — в 829—831 годах. Но если он и не занимал в эти годы должности логофета, то, как главный виновник воцарения Аморийской династии, благодаря которому отец Феофила Михаил, 24 дек. 820 года ожидавший в тюрьме смертной казни, 25 декабря, еще не успев снять с себя сковывавших его цепей, вступил на царский престол[63], был при царе Феофиле всегда настолько влиятелен, что мог в 829 году выхлопотать вызов Мефодия ко двору, а в 830 или в 831 году — назначение его славянским князем.

Молодость Мефодия не может служить доводом против такой датировки его княжения. Если Феоктист мог предложить княжение едва достигшему брачного совершеннолетия, слабому здоровьем и не служившему в войске Константину, то тем более он мог посодействовать назначению на эту должность двадцатилетнего Мефодия, отличавшегося величавой наружностью, крепким здоровьем и еще в Солуни по примеру отца и под его руководством начавшего военную службу, а в Константинополе ее продолжавшего.

Таким образом не пятое, а четвертое десятилетие девятого века нужно считать временем славянского княжения Мефодия, а так как только будучи князем он имел мотивы для составления и право на издание такого воинского судебника, каковым является ЗС, то это время является и временем составления и издания ЗС. Но так как еще до составления ЗС Мефодий должен был основательно ознакомиться с обычным правом местных славян, о чем говорит 2 глава ЖМ, и с их языком, о чем говорят и Проложное житие Мефодия[64] и Истинная повесть[65], то вероятными годами составления ЗС нужно считать не первые, а более поздние годы его княжения в Стримоне.

Глава IV

ДЛЯ ЧЕГО СОСТАВЛЕН ЗАКОН СУДНЫЙ ЛЮДЕМ

Военно-административное деление Византийской империи в IX веке. Стримон, как клисура. Ранг Мефодия, как клисурарха. Его полномочия, обязанности. Народность стримонцев. Стримонцы, как материал для организации византийского войска. Борьба с преступностью в войске, как первая цель составления ЗС, строгими, но более гуманными, чем в Эклоге, наказаниями. Укрепление верности славянского войска Византии, как вторая цель составления ЗС, путем: а) внушения ему византийской церковнополитической идеологии; б) щедрого удовлетворения его материальных нужд; в) сообразования с бытом и духовным миром стримонцев в постановлениях ЗС о судебном процессе, уголовном и брачном праве. Была ли глава о браке и разводе в протографе ЗС. Мнимое влияние Запада на постановления ЗС о разводе. Заключение.

Выясненное в III главе служение Мефодия в должности зависимого от византийской власти славянского князя в Стримоне в четвертом десяти-

летии IX века дает возможность определить и те задачи, которые были возложены на него, а вместе с тем и решить важный вопрос, для чего, с какою целью Мефодий составил ЗС, важный потому, что по справедливой мысли Иеринга цель всякого юридического памятника определяет и все его содержание[66], так что выяснение цели составления ЗС есть ключ к пониманию всего его содержания.

Чтобы дать правильное представление о положении, которое занимал Мефодий в качестве славянского князя в Стримоне, нужно сказать несколько слов о военно-административном делении Византийской империи в ту эпоху. В целях лучшей защиты империи от ее многочисленных и сильных врагов, ее угрожаемые области были поделены на фемы — провинции, во главе которых стояли стратеги, объединявшие в своих руках полноту военной и гражданской власти и подчиненные непосредственно императору. Еще до 836 года была превращена в фему солунская область, ранее подчиненная „ипарху" — префекту претории Иллирика, и Дворник предполагает, что упомянутый во 2 главе ЖК стратег, которому был подчинен отец Мефодия, был первым стратегом Солунской фемы[67]. Но кроме фем существовали и меньшие, но также непосредственно подчиненные императору военно-гражданские области — архонтии и клисуры. Несомненно, что в конце IX века Стримон был уже фемой, так как об этом говорит Клеторологион Филофея 899 года, но в источниках нет указаний, когда была учреждена эта фема, а говорится лишь, что клисура была основана Юстинианом II после похода против славян в 688—689 г. [68], но как долго существовала эта клисура и была ли она преобразована в фему, или населявшие ее славяне в скором времени свергли эту власть, утверждать нельзя. Вообще история Стримонской фемы, по справедливому замечанию Лемерла, одна из самых темных[69]. Сам Константин Порфирородный в своем труде о фемах жалуется, что его источники о Стримоне говорят только как о клисуре, но не как о феме[70]. Между тем несомненно, что не только во время составления его труда о фемах (около 934 г.), но во всяком случае еще в конце IX века Стримон уже был фемой. Существовала ли непрерывно Стримонская клисура и когда она была превращена в фему, нельзя сказать с уверенностью, а можно лишь высказать как самое вероятное предположение, что основанная в 689 году Стримонская клисура фактически порывала свою зависимость от Византии, но и возобновляла эту связь. Фактическое прекращение зависимости от Византии не влекло за собою и юридическую самостоятельность населения Стримона. По византийской церковнополитической идеологии, с которой считались и славяне, все христиане должны быть подданными византийского императора, почему часто фактически отпавшие от Византии окраины долгое время числились в списках византийских владений и при первой возможности эта идейная зависимость превращалась в действительную. В отношении Стримона такая возможность представилась в 758 году во время победоносного похода Константина V на „Склавинии", то есть славянские племена, „в Македонии"[71], причем, как видно из 1 главы ЗС, были предприняты радикальные меры для христианизации покоренного славянского населения. Подобною возможностью воспользовался Феофил, назначив около 830 года князем Стримона Мефодия.

Какое же положение занимала провинция Стримон в административной организации Византии и сообразно с этим какой ранг имел Мефодий как правитель этой провинции? Вопрос этот решается различно в научной литературе. Греческое житие Климента называет его стратегом, что „Истинная повесть" переводит словом „военачальникъ"[72]. Стратегом называют Мефодия Дюммлер[73] и Рачки[74], но Дворник оспаривает это мнение и предполагает, что Стримон во время княжения Мефодия был архонтией[75], а Мефодий был архонтом. Действительно ЖМ говорит, что „цесарь... княжение емоу дасть дьржати Словѣньско", но из 4 главы ЖК видно, что должность стратега считалась высшей, чем должность князя. Здесь сообщается, что логофет Феоктист, убеждая Кирилла жениться на его крестнице, говорил: „от

царя же честь и к н я ж е н и е приимъ, больше почаи, вскорѣ бо стратегъ будеши". Но из того, что Мефодий не был стратегом, еще не следует, что Стримон был архонтией, а Мефодий был архонтом. Лемерл справедливо возражает[76], что источники не знают такой архонтии и, нужно добавить, знают Стримон или как клисуру, или как фему. Архонтиями назывались византийские провинции, в которых города имели муниципальное устройство. Между тем нет основания думать, что такое устройство имели города в Стримоне. Архонты были на должности обычно короткое время — от 2 до 5 лет. Между тем Мефодий был князем Стримона „лѣта многа" и во всяком случае не менее десяти лет. Между тем самое географическое положение Стримона соответствовало его военно-административному устройству как клисуры. Открытый к югу широкой долиной Струмы, он был отделен от Болгарии горами с несколькими узкими проходами (κλεισοῦρα), почему и был единственной в Европе административной клисурой, тогда как в Малой Азии было несколько византийских клисур. Поэтому более вероятно, что Мефодий не был архонтом архонтии, а был κλεισουράρχης, был архонтом клисуры. О таких архонтах не раз упоминают византийские историки, а славянские источники называют Мефодия князем за неимением в славянском языке соответствующего специального термина.

Как князь клисуры, Мефодий имел чрезвычайно широкие полномочия. И во всех клисурах полномочия их правителей были более широки, чем правителей провинций какого-либо другого типа. „Характер клисуры был чисто военный", пишет автор статьи о низших единицах фематского устройства. „По своему положению на государственной границе и по назначению служить охраной от неприятеля, клисуры в отношении управления были самостоятельными военно-административными единицами, в которых степень концентрации военной и гражданской власти в руках клисурарха достигала максимума"[77]. А в четвертом десятилетии IX века, когда над Стримоном постоянно висел, а иногда и падал на него, меч болгарской агрессии и на помощь со стороны центральной власти в нужный момент рассчитывать было нельзя, так как она была всецело занята борьбой на других фронтах, такая концентрация власти была безусловно необходима. За широту полномочий Мефодия говорит и его близость к логофету Феоктисту и к самому императору, который, по сообщению Проложного жития Мефодия, „имѣяше его всегда пред собою"[78]. Такой полнотой власти Мефодия в Стримоне объясняется и издание им, хотя и как бы от имени Константина V, З а к о н а судного людем, хотя обычно законодательство входило в исключительную компетенцию верховной власти.

Вместе с полнотой власти на Мефодия были возложены и тяжелые задачи, требовавшие, кроме личного мужества и военного искусства, много такта и больших дипломатических способностей.

Главной задачей Мефодия, как князя Стримонской клисуры, была ее военная защита от соседней Болгарии, стремившейся под предводительством своих ханов Маламира (827—836) и Пресияма (836—852) захватить населенные славянами византийские области. Насколько опасен был этот враг, свидетельствует печальная судьба близких по времени к княжению Мефодия стратегов соседних фем. В 789 году в Стримоне был убит болгарами вместе со своей свитой стратег соседней Фракийской фемы Филет[79], в 811 году погиб неизвестный по имени стратег также Фракии или Македонии[80], в 813 году в битве с болгарами был убит стратег Македонии Иоанн Алпакис[81]. И во время княжения Мефодия было покорено болгарами жившее при реке Месте соседнее со Стримоном славянское племя Смолан, а в 836 году опасность от болгар была настолько велика, что около Анхиала (Кавалы) недалеко от устья Струмы и Месты было расположено византийское войско под командой зятя императора Феофила цезаря Алексея Музеле, чтобы помешать болгарам дойти до Эгейского моря[82].

Для успешной борьбы с неприятелем при тогдашних условиях, когда военная тактика иногда требовала, чтобы командир шел впереди своего

войска, нужна была физическая сила, ловкость и храбрость самого вождя, которая импонировала бы войску и служила ему примером. И источники свидетельствуют, что Мефодий имел эти качества. ЖМ (гл. 2) говорит об его величественной наружности. Проложное его житие сообщает, что он был „крѣпокъ тѣлом"[83], а Похвальное слово Кириллу и Мефодию сравнивает его воинскую доблесть и искусство с доблестью и искусством ветхозаветных героев — Самсона, Гедеона и Иисуса Навина[84].

Но „один в поле — не воин", и для успешной защиты византийской границы ему было нужно верное Византии и дисциплинированное войско, а такое войско он мог организовать только из славянского населения Стримона, жившего между рек Струмы и Месты и по реке Струме получившего наименование стримонцев. К какой же славянской народности принадлежало племя стримонцев и насколько пригодный материал представляло это племя для организации боеспособного войска?

О населении Стримона можно с полной уверенностью утверждать, что оно было славянским в узком смысле этого слова, так как источники отличают его как от болгар, так и от сербов. „Область Стримона, словенске Струме, — справедливо пишет М. Райкович, — била је „κατ' ἐξοχήν" словенска територија"[85]. К какой народности, к болгарской или к сербской ближе по языку было племя стримонцев, как и соседних с ними славян Македонии, вопрос этот является спорным и часто решается более под влиянием национального пристрастия, чем объективных научных данных. О современной Македонии Н. Л. Туницкий пишет, что „этнографические и лингвистические данные приводят наиболее беспристрастных исследователей к признанию в языке, праве и быте ее двух стихий, из которых одна роднит македонских славян с болгарами, другая — с сербами"[86]. Нужно, однако, заметить, что болгарская стихия в этом населении могла быть и не исконной, а явиться позднее вследствие долговременного господства здесь болгар. По сообщению Константина Порфирородного, первым славянским населением в Македонии были сербы. „После того, как два брата унаследовали от отца власть над Сербией, — пишет царь, — один из них, взяв половину народа, перешел к царю ромеев Ираклию (610—641 гг.). Царь Ираклий принял его и дал ему в солунской феме, как место для поселения, Сервию, которая с тех пор носит это название"[87]. Достоверность этого сообщения, оспариваемого некоторыми авторами, доказывает П. Скок в статье „Константинова Србица на Бистрици у Грчкој"[88]. Хотя Константин и сообщает, что позднее сербы покинули Македонию, но мало вероятно, что отсюда выселилось все сербское население.

Текст ЗС в том виде, как он дошел до нашего времени, не дает ясных указаний относительно племени, для которого он составлен, поскольку в нем отразилось влияние многочисленных переписчиков, в том числе и русских, по-видимому новгородской области. Примерами таких руссизмов является частое употребление мягкого знака, особенно в третьем лице глаголов, для означения звука *е*, *ж* вместо *жд* — *преже*, *осужати*, *вражебник*, полногласие: „о полонѣ" и др.

Насколько же пригодно было это население для организации боеспособного, дисциплинированного и вместе с тем верного Византии войска?

Греческие авторы — Прокопий[89], Псевдомаврикий[90], Лев Мудрый[91], Феофилакт Симокатта [92] единогласно свидетельствуют о высоких личных военных качествах населения „Склавиний", об их высоком росте, необыкновенной силе, выносливости и изобретательности, благодаря которой они имели и тяжелое вооружение, и осадные машины, и легкий флот.

Особой воинственностью отличалось главное славянское племя стримонцев[93], и византийские источники, говоря о военных действиях, чаще упоминают о них, чем о других их соплеменниках. На высоком уровне была у них и военная техника, что видно, например, из описаний осады Солуни славянами в 674—677 годах[94] и его защиты от арабов стримонскими стрельцами в 904 году[95].

Не так благополучно обстояло дело в отношении организованности, дисциплины и морального уровня славянского войска. Те же византийские авторы как на отличительную черту славянских племен указывают на их любовь к свободе, недостаток склонности к организации и к дисциплине, и только авторитет племенных и родовых вождей — князей и жупанов позволял сохранять некоторую внутреннюю дисциплину каждого племени[96], тогда как объединение племен в более крупные организации обычно было кратковременно и переходило в раздоры, чем искусно пользовались византийские политики по девизу: divide et impera. „Так как у них (славян) много вождей, — советует, например, Стратегикон Псевдомаврикия, — и так как они друг с другом не сходятся, не неуместно некоторых из них речами и дарами склонять на свою сторону, особенно тех, которые находятся близко от границы, а нападать на других, чтобы борьба против всех не вызвала их объединение и единовластие“[97].

Войны, которые вели славянские племена, обычно не имели характера военных походов, а были хищническими набегами для захвата рабов и другой военной добычи. В особенности таким характером отличались военные действия стримонцев, о хищничестве которых и на суше и на море не раз говорят византийские историки[98]. Привыкнув во время набегов к захвату чужой собственности и насилиям, воины и в мирное время иногда вели себя так же в отношении к своим соплеменникам, и естественно мораль такого населения не могла быть на высоком уровне.

Еще хуже обстояло дело в отношении верности славянского войска Византии. Пока славянское население оставалось языческим, оно не могло иметь никаких идейных мотивов для сохранения мирных отношений с ней, а тем более для защиты ее границ и интересов, и только высокий престиж Византии среди варварского мира, как наиболее культурного государства в ту эпоху, и искусная дипломатия византийских политиков, умевших использовать разрозненность славян, позволяли византийцам не только сдерживать славян, но иногда и превращать их в своих союзников. Однако достаточно было одной ошибки византийской политики, чтобы превратить славян из мирных соседей или даже союзников в опасных врагов. В частности такой характер имело и отношение к Византии стримонцев. Так, во второй половине VII века отношения славян к Византии носили мирный характер, но на славянского князя Первуда был сделан ложный донос, и по приказу Константина IV он был схвачен, однако стримонцам и рихнинцам удалось выхлопотать от царя обещание освободить князя. А когда Первуд вопреки обещанию был казнен, стримонцы, рихнинци и другие славяне осадили Солунь и три года держали его в осаде, заставив голодать жителей[99]. Но и тут сказалась славянская рознь. Во время осады Солуни славянское же племя велегезитов снабжало Солунь продовольствием[100]. В 877 году стримонцы покинули своих союзников и те прекратили осаду города[101], а в 680 году союзные славянские племена отделились от стримонцев и рихнинцев и они были покорены византийцами, но, по-видимому, вскоре освободились и стали во враждебные отношения к Византии, поэтому Константин V в 758 году снова их покорил и принял строгие меры для их христианизации[102]. Однако через 10 лет тот же Константин V вел переговоры со стримонцами о выкупе двух с половиной тысяч военнопленных, захваченных ими на островах Эгейского моря[103], что дает основание думать, что они опять вернули свободу, и только в 904 году, когда христианство уже прочно утвердилось в Стримоне, стримонцы выступают в роли, хотя и ненадежных, но все же защитников Солуни от арабов[104].

Таким образом низкий моральный уровень и преступность славянского войска, с одной стороны, а с другой, слабость тех мотивов, которые могли побудить это войско бороться за интересы Византии — таковы были два главных недостатка, с которыми приходилось бороться Мефодию, как командиру этого войска, а ЗС и был составлен им с целью борьбы с этими недостатками.

О том, что ЗС составлен с целью борьбы с преступностью в среде славянского войска, путем подчинения его византийскому уголовному законодательству, mutatis mutandis этого законодательства, говорит уже самое заглавие памятника: „Закон судный людем", то есть Воинский судебник, а также и почти все его содержание. Из 32 его глав 27 (1, 4—18, 22—32) говорят о преступлениях и наказаниях, три главы (2, 19 и 21) говорят о судебном процессе и только 2 главы (3 и 20) не имеют отношения к преступности. Из 26 глав уголовного содержания 8 глав являются довольно точным переводом глав XVII титула Эклоги, а именно 12 глава ЗС содержит перевод 32 главы XVII титула, 14 глава — перевод 33 главы, 15 глава — перевод 40 главы, 18 глава — перевод 5 главы, 23 глава — перевод 7 главы, 24 глава — 8 главы, 25 глава — 12 главы и 31 — 17 главы Эклоги, тогда как остальные 18 глав имеют дополнения и изменения текста Эклоги.

Более важными дополнениями Эклоги являются постановления о „посте", как наказании „по церковному закону", которые включены в 9 глав ЗС и содержат каноны Василия Великого о епитимиях в течение 7 (главы 4, 5, 9, 11, 14 — Василия В. кан. 59), 12 (гл. 16 — Вас. В. кан. 56) и 15 (гл. 6, 7, 8 — Вас. В. кан. 58) лет. Таким образом тогда как Эклога, определяя наказания, имеет в виду устрашение и предупреждение преступлений, ЗС сверх того имеет целью и исправление преступников путем церковного покаяния, и как содержащий не только гражданские законы, но и церковные каноны, является своего рода номоканоном. Исправительные наказания „по церковному закону" налагаются кумулятивно с наказаниями „по людскому закону" только в тех случаях, когда последние наказания имеют имущественный характер в виде лишения виновного принадлежащей ему рабыни (гл. 4) или уплаты им известной суммы (гл. 5), а в остальных случаях они налагаются альтернативно с гражданскими наказаниями, то есть преступник имеет право выбора или гражданского наказания или епитимии, что видно, например, из главы 7, где говорится о наказании за брак в духовном сродстве, причем о разлучении супругов упоминается и тогда, когда говорится о применении гражданского наказания и тогда, когда говорится об епитимии. Еще яснее альтернативность гражданского и церковного наказания видна из гл. 16, где упоминается два наказания за поджог: гражданское — смертная казнь и церковное — епитимия в течение 12 (вернее — 20) лет. Ясно, что кумулятивно оба эти наказания не могут быть применены. Но и в тех случаях, когда ЗС не упоминает об епитимии, по-видимому, гражданское наказание может быть заменено епитимией, если преступник воспользуется упомянутым в 17 главе правом церковного убежища, когда наказание определяет ему церковный суд. Предоставленная ЗС широкая возможность замены смертной казни и членовредительских наказаний церковным покаянием говорит о гуманности автора этого судебника, а вместе с тем и о его желании поднять престиж Церкви в глазах недавно обращенного в христианство населения Стримона. Гуманная тенденция ЗС, а вместе с тем и сообразование со славянским обычным правом проявляется и в смягчении наказаний, определенных Эклогой (тит. XVII). Тогда как Эклога назначает смертную казнь за поджог (гл. 41) и за кровосмешение в первой и второй степени кровного родства (гл. 33), а в более отдаленных степенях родства и свойства отсечение носа и бичевание (гл. 34 и 37), ЗС назначает смертную казнь только за поджог, но с возможностью замены епитимией, а за кровосмешение никакого наказания не назначает, вероятно, предоставляя это церковной власти, и лишь требует разлучения виновных (гл. 13). Назначенное в Эклоге жестокое членовредительство — ослепление (гл. 15) и отсечение рук (гл. 10, 13, 14, 16) в ЗС заменяется продажей в рабство (гл. 24, 29, 27, 28, 30). Позорящее членовредительство — отсечение носа, применяемое в Эклоге в 10 случаях, в ЗС упоминается только в четырех главах (6, 7, 8, 12), да и то в трех первых главах с возможностью замены епитимией. Бичевание упоминается 7 раз (гл. 9, 14, 17, 19, 25, 27, 29), острижение один раз (29)

и изгнание три раза (9, 27, 29). Часто упоминаются наказания денежного и вообще имущественного характера (гл. 1, 5, 9, 10, 16, 19, 23, 24, 26). В довольно широком применении продажи в рабство можно видеть приспособление к обычному праву стримонцев, у которых захват и продажа рабов были в большом ходу, а по сообщению Псевдомаврикия рабы у славян находились в сносных условиях: „своих порабощенных (славяне) не держат в рабстве неограниченное время, как другие народы, но по истечении точно определенного времени предоставляют им или за известный выкуп возвратиться на родину или остаться там на положении свободных людей и приятелей“[105].

Тогда как Эклога о преступлении убийства говорит довольно подробно (тит. XVII, гл. 45—50), ЗС об убийстве не упоминает, не считая нужным как-либо изменять или дополнять в этом отношении действовавшее в Стримоне обычное славянское право[106].

Вообще, ограничивая в ЗС свое законодательство довольно узкой сферой уголовного права, применяемого притом лишь к ограниченному кругу лиц — к войску, Мефодий, считаясь с бытом и психологией стримонцев, по-видимому, всю лежащую вне этой сферы и этого круга широкую правовую область предоставил действию местного славянского обычного права, намек на что находим в конце второй главы его Паннонского жития. Сообщая, что „цесарь, оувѣдевъ быстрость его (Мефодия), кънъженье емоу дасть дрьжати Словѣньско“, житие добавляет: „да би прооучилъ ся вь сѣмъ обычаемъ Словѣньскыимъ и обыклъ я по малоу“. Помимо борьбы с преступностью в среде славянского войска, ЗС преследует и другую цель — укрепление верности этого войска Византии и готовности сражаться за ее интересы. Для этого нужно было, во-первых, внушить славянскому войску византийскую церковнополитическую идеологию, по которой византийский император, по воле Божией, является главой всего христианского мира, почему все христиане, какой бы то ни было народности, должны быть его подданными и защиту его интересов считать своим религиозным долгом[107], а во-вторых, нужно было внимательно относиться к материальным интересам этого войска.

В первом отношении задача Мефодия была облегчена тем, что славянское население Стримона в годы его княжения уже было христианским и даже имело известную церковную организацию. Это видно из частых упоминаний ЗС о храме или церкви, в которой должны нести епитимию преступники (гл. 4—9, 11, 14, 16), о церковном убежище, где всякий незаконно преследуемый может найти защиту, о попе, в ведение которого поступает этот преследуемый (гл. 16), о „граде“, вероятно, Христуполисе, как центре этой церковной организации, куда должен явиться всякий вероотступник, обязанный до конца жизни служить церкви (гл. 22). Таким образом Мефодий уже имел в своем княжестве служителей церкви, самым саном своим призванных внушать своим пасомым византийскую церковнополитическую идеологию, и потому Мефодий стремится в своем судебнике лишь поднять престиж императора и авторитет веры и Церкви. Начинается ЗС провозглашением превосходства „Божией правды“ пред всякой другой и ссылкой на декрет императора, который величается святым, продолжается ссылками на „Закон Божий“ (гл. 2, 4, 32) и закон церковный (гл. 4, 6, 7, 16, 17), как на непререкаемый авторитет, и заканчивается патетическим напоминанием о грядущем „великом Суде Божием“, который осудит „вся бещиньници людскыя“, а „рабом вѣрниим“ даст „радость вечную“ (гл. 32). С целью укрепления авторитета Церкви ей предоставляются широкие полномочия в отношении облегчения наказаний путем замены их епитимией (гл. 4—9, 11, 14, 16) и в отношении защиты незаконно преследуемых (гл. 17), а, вопреки общей гуманной тенденции ЗС, для нарушителей прав Церкви устанавливаются особо строгие наказания. Смягчая почти все установленные Эклогой наказания, ЗС для нарушителей права убежища увеличивает наказание по сравнению с Эклогой почти в 12 раз. Тогда как Эклога карает та-

кого нарушителя 12 ударами (тит. XVII, гл. 1), ЗС говорит, что такой нарушитель, кто бы он ни был, „примить 140 ранъ“[108] (гл. 17). Укравший что-либо из алтаря карается рабством, а вне алтаря — кумулятивно бичеванием, остриженнем и изгнанием (гл. 29).

Для укрепления верности славянского войска Византии, помимо влияния на идеологию его состава, необходимо было считаться и с его интересами материального характера. Военная история Византии показывает, что пренебрежение со стороны власти материальными интересами войска, даже греческого, не раз вызывало опасные для государства последствия. Часто злоупотребления в деле выдачи платы воинам вызывали бунт войска. Бывали случаи, когда воины убивали офицеров, обсчитывавших их при выдаче платы, и грозили, что перейдут на сторону неприятеля[109], а иногда и действительно переходили[110] или начинали грабить своих же сограждан[111], так что само население византийских городов и сел, чтобы избавиться от насилий византийского же войска, нападало на него или переходило на сторону неприятеля[112]. Но если неудовлетворение материальных нужд даже греческого войска могло иметь такие последствия, то тем более опасно было пренебрежение материальными интересами со стороны византийской власти войска славянского. И вот многие детали ЗС свидетельствуют, с какою предупредительностью относился к этим интересам составитель этого судебника. В особенности показательна в этом отношении 3 глава ЗС. Обращает на себя внимание уже самое место, занимаемое этой главой в ЗС. Тогда как в Эклоге титул „Περὶ διαμερισμοῦ σκύλων“ помещен в самом конце, имея характер специального дополнения только для войска, а остальное содержание Эклоги имеет в виду все население государства, в ЗС соответствующая этому титулу глава помещена в начале этого судебника на третьем, а в некоторых рукописях даже на первом месте [113], и всегда еще до его уголовной части, указывая этим, что и все остальные 29 глав назначены также для войска и что составитель ЗС придавал особо важное значение вопросу о материальном обеспечении войска, а это совершенно не вяжется с предположением Благоева[114], будто ЗС составил некий монах.

Еще более показательны те изменения и дополнения к греческому тексту, которые делает ЗС при переводе этого титула Эклоги.

Тогда как Эклога заботится об интересах государственной казны и предписывает шестую часть военной добычи отдавать τῷ δημοσίῳ, то есть фиску, ЗС ничего не уделяет византийскому государству, а шестую часть предписывает отдавать к н я з ю, который из нее должен давать награды отличившимся военачальникам и воинам.

Обычно славянские племена возглавлялись славянскими же вождями — князьями и жупанами, и византийские авторы, обсуждая вопрос, каким образом следует привлекать славян на сторону Византии, указывают на их приверженность к своим жупанам и советуют прежде всего уговорами и подкупом воздействовать на жупанов[115], а Мефодий, хотя и пользовался в Солуни симпатиями славянского населения, но все же был грек и мог побудить славянское войско бороться за чуждые ему интересы Византии, только сумев привлечь к себе симпатии славянского населения Стримона и прежде всего симпатии вождей этого населения — жупанов. И вот тогда как Эклога, отделяя шестую часть военной добычи в пользу фиска, предписывает остальные пять шестых делить совершенно поровну, не выделяя военачальников, и мотивирует равенство доли каждого тем соображением, что для военачальников (τοῖς ἄρχουσιν) достаточно и прибавки к получаемому ими жалованью (προσθήκη τῶν ῥογῶν αὐτῶν), ЗС, упоминая, что и жупаны получают прибавку к жалованью, добавляет, что кроме того они получают „часть княжу“, то есть шестую часть военной добычи. Таким образом, тогда как князь получает шестую часть военной добычи, но должен из этой части раздавать награды отличившимся в битве, в том числе и жупанам, жупаны получают: 1) долю добычи, одинаковую с получаемой каждым воином; 2) разделяемую между ними шестую часть военной добычи

без обязательства уделять из нее что-либо воинам, 3) воинское жалованье, 4) прибавку к этому жалованью и 5) отличившиеся храбростью награду из части князя.

Так щедро удовлетворяет ЗС народных вождей стримонцев, жадность которых солунский священник Иоанн Камениат считает причиной захвата Солуни арабами, причем и он сам попал в плен[116].

Более щедро, чем Эклога, ЗС награждает и рядовых воинов. Тогда как Эклога упоминает о жалованье (τῶν ῥογῶν) только начальствующих, ЗС говорит об „оброке людьском", а словом оброк в древнеславянских памятниках переводится греческий термин ὀψώνιον (1 Макк. 3, 28; 1 Кор. 9, 7; 2 Кор. 11, 8) — годовое жалованье всему войску, а чтобы этот термин не был понят в смысле жалованья лишь начальствующим, ЗС добавляет к слову „оброку" — адъектив „людьскому", причем в ближайшем контексте слово „люди" означает „воины".

Тогда как Эклога говорит о наградах за храбрость только военачальникам, ЗС предусматривает, что эту награду могут получить не только жупаны и „кметищи", то есть начальники основных отрядов по 400 воинов, но и „простые людие", то есть рядовые воины[117].

По-видимому, никаких податей Византии стримонцы не платили, что можно заключить не только из молчания ЗС о каких бы то ни было поступлениях в пользу фиска, но и из сообщения Камениата, что только славяне вне Стримона платили подати ὑφ' ἡμᾶς[118] и что стримонцы были σύμμαχοι[119].

Предупредительность к интересам славянского населения, из которого состоит и славянское войско, а в связи с этим и сообразование со славянским обычным правом, проявляется и в остальном содержании ЗС, как в главах, говорящих о судебном процессе (2, 19 и 21), так и в главах уголовного содержания (4—19, 22—31), и в главе о браке и разводе (32).

Тогда как по Эклоге деньги, получаемые от продажи преступников в рабство, идут в пользу фиска, ЗС предписывает отдавать эти деньги бедным, то есть местным беднякам (гл. 1 и 4). Вторая глава — о судебном процессе — составлена Мефодием независимо от Эклоги и сообразуется с предписаниями „Закона Божия", то есть Библии и с обычным славянским правом. Решающее значение в суде имеют свидетели[120], которые берутся из местного населения, а в интересах подсудимого к ним применяются строгие требования. Они должны быть многочисленны — в более важных делах их должно быть одиннадцать, а в менее важных от семи до трех, но никак не меньше. Они не должны быть ни безнравственны, ни безрелигиозны, ни обличены в ложных показаниях, ни находиться во вражде, ни в тяжбе с подсудимым. Не могут быть свидетелями и „житье скотьское имуще", то есть многобрачные (Василия В. канон 80)[121]. Подсудимый имеет право требовать от судей, чтобы свидетели давали показания или под присягой, или под угрозой продажи в рабство или наказания, грозившего подсудимому. Но если свидетели, несмотря на убеждения („непобедими")[122] откажутся присягать, они уже не могут свидетельствовать.

В дополнение ко второй главе две главы взяты из Эклоги, но в них сделаны изменения сообразно со славянским обычным правом. Тогда как третья глава XIV титула Эклоги запрещает рабу и вольноотпущеннику свидетельствовать за или против господина, 19 глава ЗС не ограничивает их право быть свидетелями. Тогда как 9 глава XIV титула Эклоги, дозволяя свидетельствовать только очевидцам, упоминает, что и табулларии (нотариусы) не могут быть свидетелями о том, что знают только по слуху, 21 глава ЗС, применяясь к строю славянского княжества, считает нужным упомянуть, что даже и жупаны, несмотря на свое высокое положение в княжестве, не могут свидетельствовать „от слуха".

Проявляется забота составителя ЗС об интересах стримонцев и в главе о положении выкупленных военнопленных. Эклога (VIII, 9) дает им возможность получить свободу, уплатив своею работой заплаченную за них цену, но не говорит, как нужно ценить эту работу, а ЗС определяет мини-

мальную цену такой работы в полтора раза дороже, чем позднее определил ее Лев Мудрый в своей 100-й новелле[123].

О том, что в своем уголовном отделе ЗС идет навстречу материальным интересам стримонцев и сообразуется с местным обычным правом, смягчая определенные в действующем византийском законе — в Эклоге — наказания и давая возможность заменить их епитимией, мы уже говорили. Приспособление к славянскому обычному праву находим и в последней, 32 главе ЗС о браке и разводе, содержащей перевод 12 и 13 глав II титула Эклоги, но с существенными изменениями. Мнение Ганева (стр. 595—596), к которому присоединяется и Андреев (стр. 5—6), будто эта глава не была в протографе ЗС, а добавлена к нему позднее, лишено всякого основания. Эта глава, как и остальные, кроме двух первых, есть, mutatis mutandis, перевод Эклоги, и по стилю отличается от остальных глав столько же, сколько отличается и их оригинал. Ошибочно и мнение Андреева, защищающего в примечании к книге Ганева (стр. 596) его взгляд тем соображением, что первоначально обряд венчания не требовался для признания действительности брака, и потому (?) будто бы „первоначальная редакция ЗС не занималась бракоразводными основаниями по каноническому праву". Но и Эклога не требует венчания для действительности брака, а обычной законной формой заключения брака по Эклоге (тит. II, гл. 1—3) считается письменный договор сторон с согласия родителей, подтвержденный тремя свидетелями, и лишь в случае бедности брачущихся дозволяется заключать брак или благословением в церкви (ἐν ἐκκλησίᾳ δι' εὐλογίας) или заявлением пред пятью друзьями (ἐπὶ φίλων πέντε γιωρισθῇ), или наконец переходом свободной женщины в дом мужа для управления домом и сожительства с мужем (тит. II, гл. 8). А ЗС, сообразуясь с обычным славянским правом, упоминает только о последнем способе заключения брака, называя этот способ термином „шествие" (гл. 32). И ни Эклога, ни ЗС не говорят о поводах к разводу „по каноническому праву", а говорят об этих поводах „по действующему законодательству" (τῇ παρούσῃ νομοθεσίᾳ — Экл. II, 12), „закономь" (ЗС, гл. 32).

Важные и нужные изменения делает Мефодий сравнительно с текстом Эклоги и относительно числа поводов к разводу для жены. Следуя обычному славянскому праву, он опускает указанный на первом месте в Эклоге повод к разводу — импотенция мужа в течение первых трех лет после заключения брака. Неудачно заканчивая перечень поводов к разводу, Эклога, вместо того, чтобы указать, что может служить поводом к разводу, говорит о том, что не может служить таким поводом: „Если же случится, что один из них после брака будет одержим демоном (разумеется душевная болезнь), то разводить их по этой причине не нужно". Как хороший юрист, Мефодий заменяет это бессодержательное постановление определенным: „брак разводится и если нечто случится, вследствие чего кто-либо из них до брака („преже шьствия") получит тяжелую болезнь".

В конце своей статьи „Характер языка Закона судного людем" („Slavia" XXVI, 4/1958/521—535) профессор Пражского университета И. Вашица разбирает смысл 32 главы ЗС и утверждает, что положения Эклоги о разводе переведены автором несогласно с учением византийского права и изменены в духе западного римо-католического права. „А это наводит нас на мысль, — пишет Вашица, — что ЗС составлен для области, находившейся в сфере западной церкви". Так как такой взгляд противоречит основному положению нашей статьи, что ЗС составлен в сфере восточной церкви, то нужно выяснить его ошибочность.

В частности относительно поводов к разводу для мужа Вашица утверждает, что ЗС, следуя западному учению об абсолютной нерасторжимости брака, отказался от византийского учения о праве мужа на развод в случае прелюбодеяния жены и потому, будто бы, в своем переводе выпустил то место Эклоги, где говорилось о таком праве мужа. На самом же деле ЗС не только не выпустил этого места, но, как и Эклога, дважды говорит о

таком праве мужа, а Вашица первое место выпускает, а второе перетолковывает. Так он замалчивает, что перед перечислением поводов к разводу ЗС приводит слова „Христа Бога нашего: яже Бог сведе, человѣк да не разлучаеть, развѣ словесе любодѣяния" (Мф. 5, 32; 19, 6 и 9). Таким образом ЗС, как и Эклога, говорит, что по евангельскому учению только прелюбодеяние одного из супругов дает право на развод другому супругу, а далее указывается, что так как по разным причинам иногда между супругами возникает ненависть, то законом перечисляются причины, „их же дѣля разлучаетася малъжена", то есть „по которым разводятся супруги". Сообразно с таким предисловием далее перечисляются причины, по которым может получить развод муж, а потом причины, по которым может получить развод жена: „разлучаеться моужь от жены своея за таковыи грѣхъ. и аще обличиться проказоу дѣющи животоу его. ли ины кыя злобы въ моужю очищьшю. не исповѣсть емоу. и аще в недоугъ въ прокаженъ впадеть", то есть „Разводится муж о своей жены за такой грех и если (жена) будет обличена в том, что посягает на его жизнь или в том, что, узнав, что другие строят козни против мужа, не сообщит ему, и если (жена) заболеет проказой".

Что же разумеется под словами: „таковый грех"? Несомненно только такой повод к разводу, о котором было сказано ранее. А ранее был указан только один повод к разводу, а именно прелюбодеяние. Было сказано ранее и то, что будут перечислены поводы к разводу, указанные законом, а прелюбодеяние, как повод к разводу, было указано во всех византийских законах о браке, изданных до эпохи св. Мефодия: Кодекс Феодосия III, 16, 1; Кодекс Юстиниана V, 17, 8, § 2; Нов. 22, гл. 12; Нов. 117, гл. 9; Экл. II, 12 и 13.

Совершенно непонятно, как можно утверждать, что составитель ЗС находился под влиянием учения западного римского канонического права об абсолютной нерасторжимости брака, когда ЗС, помимо прелюбодеяния, указывает и еще несколько поводов к разводу, и как можно думать, что Мефодий, признавая другие поводы к разводу, о которых говорят византийские законы, отверг тот повод к разводу, о котором говорят не только византийские законы, но и Евангелие. Неверно и утверждение Вашицы, что в эпоху Мефодия на западе всюду господствовало учение об абсолютной нерасторжимости брака. В эту эпоху даже сам глава Римской церкви папа Николай следовал евангельскому учению о допустимости развода в случае прелюбодеяния. „Mulier tua... non est, excepta causa fornicationis, reicienda", пишет он в своем XCVI ответе болгарам[124]. А Вашица хочет „être plus royalist que le roi".

Опустив вступительную фразу ЗС, предупреждающую, что за ней будет следовать перечисление поводов к разводу, Вашица придает смысл вступительной фразы первой фразе самого перечисления, на самом деле говорящей о прелюбодеянии, как поводе к разводу и соединенной со второй фразой перечисления, говорящей о втором поводе к разводу — покушении на жизнь мужа союзом „и". А Вашица этот союз опускает и вместо него ставит двоеточие, вследствие чего получается впечатление, будто первая фраза самого перечисления только предупреждает читателя, что за ней следует перечисление поводов к разводу. Но ведь далее указывается не один повод к разводу, а три, и если бы первая фраза перечисления имела смысл вступительной фразы, в ней бы было сказано: „за таковые греси", а не: „за таковый грех".

Мы уже видели, что термин „шествие" в отделе о поводах к разводу означает переход жены в дом мужа, как форму заключения брака. А Вашица находит, что этот термин нужно заменить термином „съшествие", под которым нужно разуметь совокупление, и в постановлении ЗС, где он встречается, видит влияние западного канонического права, по которому импотенция мужа, начавшаяся до брака, делает брак недействительным. Но, во-первых, ни в одной рукописи не только краткой, но и расширенной ре-

дакции ЗС слово „съществие“[125] не встречается, так что такая замена была бы совершенно произвольной; во-вторых, ЗС в данном месте говорит о поводах к разводу, а не о недействительности брака, импотенция же мужа, начавшаяся до брака, давала право на развод и по византийскому праву, установившему и известный срок для констатации этого повода — по конституции Юстиниана на имя патриарха Мины 2 года (Код. V, 17, 10), а по новелле XXII 536 года — 3 года. Последний срок усваивает и Эклога. Поэтому никак нельзя видеть здесь влияние западного канонического права. И слова „злая язя“ нельзя толковать в узком смысле импотенции мужа, так как данное место говорит не только о муже, но и о жене, имея в виду всякую тяжелую неизлечимую болезнь, начавшуюся до брака и делающую невозможным супружеское сожитие.

Приведенные в этой четвертой главе данные доказывают, что все содержание ЗС исчерпывающим образом объясняется желанием его автора достигнуть составлением этого судебника двух целей — во-первых, поднять моральный уровень подчиненного ему славянского войска путем применения к нему положений византийского уголовного права и исправительных мер церкви, а во-вторых, укрепить верность этого войска Византии путем внушения ему византийской церковно-политической идеологии и предупредительности к его материальным нуждам. Таким образом и эта глава подтверждает основное положение нашей статьи, что ЗС составлен св. Мефодием, как славянским князем, для подчиненного ему славянского войска.

Глава V

КАКИМ АЛФАВИТОМ НАПИСАН ПРОТОГРАФ ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ?

Протограф ЗС не был написан кириллицей. Ошибочная замена числа 13 числом 20 в одиннадцатой главе ЗС не доказывает, что этот протограф был написан глаголицей. До изобретения кириллицы св. Мефодий писал свои славянские труды греческим алфавитом. Следы греческого алфавита в одиннадцатой и в пятнадцатой главах ЗС. Замена греческого алфавита кириллицей в рукописях ЗС. Выводы.

Против основного положения нашего исследования, что ЗС был составлен Мефодием для подчиненного ему славянского войска, может быть сделано такое возражение: все рукописи этого памятника, как краткой так и расширенной его редакции, написаны кириллицей. Между тем кириллица изобретена не в четвертом десятилетии девятого века, а много позднее.

Это возражение неоспоримо доказывало бы более позднее происхождение ЗС, если бы сохранился протограф этого памятника или если бы было известно, каким алфавитом был написан этот протограф. Но древнейшие рукописи памятника относятся к XIII веку, а каким алфавитом был написан его протограф IX века, совершенно неизвестно. Таким образом приведенное возражение доказывает только то, что протограф ЗС был написан не кириллицей, а каким-то другим алфавитом, но вовсе не доказывает более позднее происхождение памятника. Каким же алфавитом был первоначально написан ЗС?

В упомянутой статье „Характер языка Закона судного людем“ проф. Вашица доказывает, что первоначально ЗС был написан глаголицей. Если бы это было действительно так, то пришлось бы признать, что ЗС не мог быть написан во время Мефодиева княжения в Стримоне, так как и изобретение глаголицы связывают с моравской миссией солунских братьев. Однако аргументация Вашицы неубедительна. Приводим ее полностью в возможно точном переводе:

„Текст ЗС претерпел в первые века ту же судьбу, как и Мефодиев номоканон, часть которого он составляет. Оригинал был написан глаголицей.

Верный след этого первоначального алфавита можно найти в ошибочной переписке числа 13 числом 20: слова „ὁ φθείρων κόραν πρὸ τῆς ἥβης, ἤγουν πρὸ τρισκαιδεκαετοῦς χρόνου“ (Ecloga XVII, 31) переведены Рум. 58а 2—3: „Приложився въздѣвящиися преже времене. 20. лѣть“, также и в Варсонофиевской и Новгородской рукописях, в Иасафовской: „дву десят лѣть“; ошибка возникла вследствие того, что при переписке глаголицы кириллицей механической транслитерацией глаголических ѹф (13) явилось ВІ (12) кириллицей, а написанное буквами оно дало двоюнадесете лѣть, ошибочно пропущенное — „на“ превратило 12 в 20: двою десете, как читаем в Иасафовской (дву десят). Только расширенная редакция ЗС сохранила[126] правильное число 13 в рукописях Дубенского и Строева. Считать, что тут имеется случай замены 13 на 20 автором ЗС, как будто он намеренно повысил границу половой зрелости девицы, вопреки вековому юридическому узусу, просто невозможно“[127].

Вполне прав Вашица, что „просто невозможно“ думать, будто автор ЗС намеренно повысил границу половой зрелости девицы с 13 до 20 лет. По Юстинианову законодательству (Instit. I. 22. Dig. XXIII, 1, 9; Cod.V, 60, 3) половая зрелость для девицы была определена даже в 12 лет, Эклога повысила ее до 13 лет, но Прохирон (IV, 2, 4) и Василики (XXVIII, 1, 7) восстановили в этом отношении законы Юстиниана. Число 12 в переводе Прохирона сохранено и в славянских Кормчих, как в Кормчей св. Саввы (гл. 55), так и в русской печатной Кормчей (гл. 48)[128], а число 13 сохранено в переводе Эклоги в русской печатной Кормчей[129] и во многих рукописях. Но вместе с тем также „просто невозможно“ принять крайне сложное и совершенно неправдоподобное объяснение замены числа 13 в Эклоге числом 20 в трех рукописях ЗС, которое предлагает Вашица. Непонятно, почему переписчик мог предположить, что в написанном глаголицей тексте цифра 13 почему-то написана кириллицей. Еще более непонятно, как мог переписчик принять написанную глаголицей цифру 13 за написанную кириллицей цифру 20, когда между начертанием той и другой цифры нет ни малейшего сходства. Не мог переписчик и принять две написанные глаголицей цифры — 10 и 3 за написанную глаголицей же одну цифру 20, так как последняя цифра глаголицей пишется в виде круга, над которым стоит треугольник, и не имеет ни малейшего сходства ни с цифрой 10, ни с цифрой 3.

Объяснение Вашицы ошибки в числе лет зрелости, означенном буквами в Иасафовской рукописи, столь же неправдоподобно, как и его объяснение ошибки в этом числе, означенном цифрами в рукописях Устюжской (у Вашицы Рум.), Варсонофиевской и Новгородской. Вашица предполагает, что в какой-то рукописи число 13, написанное буквами глаголицы, было прочитано переписчиком как 20. Но если уже число 13, написанное глаголицей цифрами, не могло быть прочитано как число 20, написанное также цифрами кириллицей, то тем более число 13, написанное глаголицей буквами, не могло быть прочитано как написанное буквами же кириллицей число 20, так как здесь различие касается уже многих букв. Далее, по предположению Вашицы, следующий переписчик должен был почему-то в слове „двоюнадесете“ пропустить слог „на“ и разделить одно слово на два, а переписчик Иасафовской рукописи должен был в первом слове „двою“ заменить букву „ю“ непохожей на нее буквой „у“, а во втором слове „десете“ опустить букву „е“. Не проще ли вместо этой крайне сложной и потому недопустимой по теории вероятностей комбинации объяснить слова „дву“ и „десет“ тем предположением, что переписчик Иасафовской рукописи XVI века имел перед глазами более древний список ЗС, в котором, так же как и в Уст., Варс. и Новг. и др., число лет было ошибочно означено цифрой „К“, а он воспроизвел эту цифру словами „дву десет“.

Неприемлема гипотеза Вашицы о глаголице как алфавите протографа ЗС и потому, что, хотя глаголица, в отличие от кириллицы, и не подвер-

галась гонению ни со стороны греков, ни со стороны латинян, однако нет ни одной рукописи ЗС, написанной глаголицей, а все эти рукописи написаны кириллицей, причем в них нет ни малейшего следа глаголицы, как и оригинала.

Но если протограф ЗС не был написан ни кириллицей, ни глаголицей, то каким же алфавитом был написан этот протограф? Конечно, тем же алфавитом, каким до изобретения кириллицы, по свидетельству черноризца Храбра[130] и древних памятников, писали славяне, жившие в границах Византийской империи, — греческим. Этим алфавитом Мефодий должен был пользоваться уже в служебной переписке с незнающими греческого языка жупанами, судьями и кметами в своем славянском княжестве. Им же он пользовался и на Олимпе при переводе на славянский язык „бесед" своего брата Константина с иудеями (ЖК, гл. 10). А что именно греческим алфавитом был написан и протограф ЗС, это доказывают некоторые детали переписанного кириллицей его текста.

Уже та деталь этого текста, на которой Вашица строит свою ошибочную гипотезу о глаголице, как алфавите протографа ЗС, доказывает совсем другое, доказывает, что ЗС был первоначально написан греческим алфавитом. В такой рукописи число 13, означающее год половой зрелости девицы, было написано двумя греческими буквами — на первом месте иотой, а на втором гаммой, которая тогда писалась как большое Г с уклонением вниз верхней части буквы. Так как в славянских рукописях, написанных кириллицей, при обозначении чисел второго десятка, цифра, означающая 10, вероятно под влиянием еврейской азбуки [131], ставилась не на первом, как в греческих рукописях, а на втором месте, то славянский переписчик легко мог прочитать греческую цифру „ІГ" как похожую на нее цифру „К", тем более, что в букве в греческих рукописях того времени правая часть буквы писалась отдельно от левого столбика. Подтверждение сказанного можно найти, например, в обширном исследовании греческой палеографии Гартгаузена[132].

Другой след греческого алфавита находим в 16 главе ЗС, говорящей о наказаниях за поджог. Здесь за поджог в городе определяется смертная казнь сожжением, а за поджог в селе или в деревне — смертная казнь мечом, но вместе с тем указывается и на возможность замены смертной казни епитимией в продолжении двенадцати лет, причем именно такая продолжительность епитимии особо мотивируется словами: „яко вражебникъ есть".

Здесь прежде всего бросается в глаза несоответствие между тяжестью гражданского наказания за поджог — смертная казнь сожжением или мечом и сравнительной легкостью альтернативного церковного наказания — епитимии в течение 12 лет, притом не соединенной с обязательством питания только хлебом и водою, как в других случаях (гл. 4, 5, 7 и 8). Большое несоответствие здесь существует и со сроком епитимии, назначаемым в ЗС за другие сравнительно более легкие преступления.

Если соблудивший монах (гл. 6), если женившийся на куме (гл. 7), или на крестнице (гл. 8), если вступивший в связь с замужней (гл. 8) наказываются епитимией в течение пятнадцати лет, а вероотступник теряет свою свободу и на всю свою жизнь превращается в церковного парика (гл. 22), то непонятно, почему поджигатель, который может оказаться виновником мучительной смерти многих людей и разорения еще большего числа, наказывается меньшим сроком епитимии.

Но ЗС не только назначает срок епитимии для поджигателя, но и объясняет, почему он назначает именно такой срок исправительного наказания: „яко вражебник есть". Мы уже видели, что термин „вражебник" или „враждебникъ" в древнеславянском обычном праве означает убийцу, как объекта „вражды" — мести за совершенное им убийство, которое было не только правом, но и обязанностью „местников" — ближайших родствен-

ников убитого. Хотя в ЗС нет упоминания об убийстве, но Мефодий счел нужным, говоря о поджоге, упомянуть об убийце потому, что он, как мы видели, назначал срок епитимии преступникам не произвольно, а руководясь канонами Василия Великого, единственными канонами из канонов свв. отцов, внесенными в переведенную Мефодием Схоластикову Синагогу. В канонах Василия епитимия за поджог не определена, но Мефодий, как юрист, знал, что в византийских гражданских законах (напр. Эклога XVII, 41 и 45) поджог наказывался так же, как и убийство, и он счел правильным за поджог назначить тот же срок епитимии, какой Василий Великий назначил за убийство. А в начале 40 титула переведенной Мефодием же Схоластиковой Синагоги говорится: „Иже волею убив, потомь же покаеться, лѣть К да не приобщиться святыхь"... Отсюда следует, что в протографе ЗС в 16 главе должна была тоже стоять греческая цифра К, но так как в ней правая часть цифры была отделена от левого столбика, то переписчик кириллицей принял ее за две цифры „I" и „В" и таким образом срок епитимии вместо 20 был назначен 12[133]. Между тем, если бы протограф ЗС был написан глаголицей, как предполагает Вашица, цифра 20 была бы написана в виде круга с треугольником над ним, что не имеет ни малейшего сходства с цифрой IВ.

Греческий алфавит протографа ЗС является новым доказательством раннего составления ЗС и приурочения его ко времени княжения Мефодия в Македонии, а то обстоятельство, что в обеих рукописях Устюжской и Иасафовской, в которых сохранился Мефодиев перевод канонической Синагоги, ЗС помещен после этого перевода, дает основание думать, что написанный греческим алфавитом ЗС был в Моравии переписан кириллицей и присоединен в качестве второй гражданской части к канонической Синагоге, образовав таким образом тот Номоканон, о котором упоминает 15 глава ЖМ, как труде Мефодия, составленном им еще при жизни „философа", то есть его брата Константина-Кирилла, но без участия последнего.

Таким образом с Моравией можно связывать не самое составление ЗС, а лишь его позднейшую историю — замену его первоначального греческого алфавита кириллицей с включением его в первоначальный славянский Номоканон. Еще менее тесную связь имеет ЗС с Болгарией, имеет лишь постольку, поскольку он был составлен для славянского войска, защищавшего от болгар границы Византии, и поскольку сохранившие его русские рукописи были переписаны с оригиналов, полученных из Болгарии.

Отсюда следует, что и моравскую и болгарскую теорию нужно заменить теорией македонской, каковая объясняет как происхождение памятника, так и все детали его содержания.

Выводами нашего исследования являются следующие тезисы:

I. Вопрос о происхождении ЗС нельзя считать решенным ни одной из двух существующих теорий: болгарской и моравской, так как первая всецело ошибочна, а вторая, справедливо усваивая составление ЗС славянскому просветителю Мефодию, ошибочно решает вопросы об источниках, назначении, месте, времени и целях его составления, а также и об алфавите его протографа.

II. Источниками ЗС послужили Эклога, декрет византийского императора Константина V, Библия и каноны Василия Великого.

III. ЗС составлен Мефодием, как славянским князем, назначенным византийским императором Феофилом, для славянского войска.

IV. Княжество Мефодия находилось в византийской клисуре Стримон, граничившей с болгарским народом.

V. ЗС составлен в четвертом десятилетии IX века во время управления Мефодием славянским княжеством.

VI. Целями составления ЗС были: 1) борьба с преступностью в подчиненном Мефодию славянском войске путем применения к нему устрашающих гражданских и исправительных церковных наказаний и 2) укрепление

верности этого войска византийской власти путем внушения ему византийской церковно-политической идеологии и удовлетворения его материальных нужд, в особенности нужд его племенных вождей — жупанов.

VII. Протограф ЗС был написан на славянском языке греческим алфавитом, а после изобретения кириллицы был переписан кириллицей.

VIII. Так как клисура Мефодия находилась в Македонии, то новую теорию происхождения ЗС нужно назвать македонской.

IX. Значение македонской теории о происхождении ЗС состоит в том, что она:

а) Доказывает, что этот памятник, как составленный в четвертом десятилетии IX века, является не только первым славянским судебником, но и первенцем всей славянской литературы.

б) Освещает первый период общественной деятельности св. Мефодия, о которой другие источники дают лишь скудные и отрывочные сведения.

в) Дает понятие об экономическом быте, военном и судебном устройстве славянских племен в границах Византийской империи и об их взаимоотношениях с византийской государственной и церковной властью.

г) Дает повод для новой постановки вопроса о происхождении кириллицы.

д) Спорный вопрос о сравнительной древности краткой и пространной редакции ЗС решает в пользу первой. А. Павлов (Первоначальный славяно-русский Номоканон, Казань, 1869, 94—99) видит доказательство большей древности пространной редакции в том, что в ней „нет примеров церковных наказаний наряду с уголовными или в замену этих последних". Но как раз наоборот, добавление церковных наказаний в краткой редакции говорит в пользу ее большей древности: упомянуть о церковных наказаниях в ЗС было необходимо потому, что во время составления краткой редакции еще не было славянских епитимийных сборников и потому ЗС должен был заменить и такие сборники. Между тем пространная редакция ЗС явилась уже позднее Мефодиева перевода Схоластиковой Синагоги и составители ЗС имели под руками как сделанный в восточной Болгарии перевод всей Эклоги (Печатная Кормчая, гл. 49), так и епитимийные сборники, так что в пространной редакции ЗС уже не было нужды говорить и о церковных наказаниях.

(Список сокращений, примечания и фотокопии листов 38а—42а „Закона судного людем" см. на стр. 116—141)

СОКРАЩЕНІЯ

Acta patr. — Fr. Miclosich et Jos. Müller, Acta patriarchatus Constantinopolitani, t. I—II, Vindoboni, 1860—1862.

Афин. Синтагма — Γ. Ῥάλλη καὶ Μ. Ποτλῆ, Σύνταγμα τῶν... κανόνων, Ἀθήνησιν, т. I—VI, 1852—1859.

Бенешевич Синагога — В. Н. Бенешевич, Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика, СПб., 1914.

B. Z. — Byzantinische Zeitschrift, München, 1892—

Byz. sl. — Byzantinoslavica, Prague, 1929—

Byzantion — Byzantion, Bruxelles, 1924 —

Василевски — Tadeusz Wasilewski, Studia nad skladem wczesnosredniowiecznych sil zbrojnych na Rusi, Warszawa, 1958.

В. В. — Византийский Временник, СПб., 1894—1927, М., 1947—

Ганев — Венелин Ганев, Законъ соудный людемъ, София, 1959.

De admin. imp. — Constantinus Porphyrogenitus, De administrando imperio, ed. Moravcsik-Jenkins.

ЖК — Память и житье... Константина философа, прьваего наставьника Словеньскомоу языкоу, изд. Tadeusz Lehr-Splawinski, Poznan, 1959.

ЖМ — Паметь и житіе блаженаего отьца нашего и оучителя Мефодья архиепископоупа Моравьска. То же издание.

ЗС — Закон соудный людемъ.

Камениат — Ἰωάννου κληρικοῦ... τοῦ Καμενιάτου εἰς τὴν ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης, изд. Theophanus Continuatus, rec. Bekker, Bonnae 1838, 487—600.

Кормчая — Печатная Кормчая, Москва, 1804.

Лавров, Материалы — П. Лавров, Материалы по истории возникновения славянской письменности, Ленинград, 1930.

Никифор — Nicephori, archiepiscopi Constantinopolitani opuscula hictorica, ed. C. de Boor, Lipsiae, 1830, Breviarium, 1—77.

Острогорский И. В. — Георгије Острогорски, Историја Византије, Београд, 1959.

Тихомиров ЗС — Закон Судный людем краткой редакции. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Под редакцией М. Н. Тихомирова, Москва, 1961.

Туницкий — Н. Туницкий, Св. Климент, Епископ Словенский, его жизнь и просветительная деятельность, Сергиев Посад, 1913.

Феофан — Theophani Chronographia, rec. C. de Boor, Lipsiae, 1883.

Scheffer — Arriani tactica et Mauricii ars militaris libri duodecim, ed. Scheffer, Upsaliae, 1664. Этого редкого издания мы не имели под руками, и цитаты из Стратегикона Псевдомаврикия взяты из книги: „Византијски извори за историју народа Југославије", т. I, Београд, 1955.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наш труд имеет целью выяснить происхождение только краткой редакции Закона судного людем (далее ЗС), для чего главное значение имеет текст ЗС, сохранившийся в четырех древних рукописях русской Кормчей книги. Таковы:

А. Новгородская Кормчая, написанная, вероятно, в 1280 г. и не позднее 1291 г., хранится в Московском Государственном Историческом Музее, Синодальное собрание № 132. Описания: **1.** И. И. Срезневский, Обозрение древних русских списков Кормчей книги, СПб., 1897, стр. 85—112 (далее Срезневский, Обозрение). **2.** Закон Судный людем краткой редакции; подготовили к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов под редакцией академика М. Н. Тихомирова, М., 1961 (далее Тихомиров ЗС), стр. 8—11 и 29—31. Список ЗС в этой Кормчей — на л. 337—342. Варианты списка сравнительно со списком Варсонофиевской К. — Срезневский, Обозрение, Приложения 206—207. Текст списка — Тихомиров ЗС 35—40; в облегченной транскрипции с исправлениями по Устюжской и Варсонофиевской К. и Мерилу Праведному 104—109; фототипия списка 113—128.

Б. Варсонофиевская Кормчая последней четверти XIII века. Хранится в упомянутом Историческом Музее, Чудовское собрание № 4. Описания: **1.** Срезневский, Обозрение, Приложения 90—112 (а не 85—112 — Тихомиров ЗС прим. 26), совместно с Нов-

городской К. 2. Тихомиров ЗС 12 и 30—31. Текст списка — 185—188б. Издания текста: 1. Срезневский, Обозрение, Приложения 200—206 и 2. Тихомиров ЗС 41—46; фототипия 129—138.

В. Устюжская Кормчая XIII века, принадлежала Устюжскому Михайло-Архангельскому монастырю, потом хранилась в Московском Румянцевском Музее, почему часто цитируется как „Рум", а в настоящее время находится в Московской Ленинской Библиотеке (Румянцевское собрание № 230). Описания: 1. Барон Г. Розенкампф, Обозрение Кормчей книги, М., 1829, 52—54, 104—112, 125—127; второе издание, СПб., 1839, не было нам доступно. 2. А. Х. Востоков, Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума, СПб., 1842, 273—279. 3. И. И. Срезневский, Обозрение 113—129. 4. А. Павлов, Первоначальный славяно-русский Номоканон, Казань, 1869, 22—25. 5. Е. Е. Голубинский, История Русской Церкви т. I, ч. 1, изд. 2, М., 1901, 647, 650—653, 655—656. 6. В. Н. Бенешевич, Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика, СПб., 1914, 199—212 (далее: Бенешевич, Синагога). 7. Тихомиров ЗС 12—14 и 31—33. 8. В. Е. Ушаков в статье „Устюжская Кормчая" (Slavia, 1961, 1, 20—40) дает наиболее подробное описание самой рукописи, не касаясь ее содержания, и приходит к выводу, что ее „можно отнести к числу историко-культурных памятников, написанных в Ростово-Суздальской Руси на рубеже XIII—XIV веков".

Текст ЗС в этой рукописи находится на л. 55—61 б. Указание Розенкампфа и других старых авторов, будто ЗС находится на л. 48—53, ошибочно. Текст издан: Тихомиров ЗС 47—54, с вариантами из Иасафовской К., фототипия — 132 — 154.

Г. Иасафовская Кормчая, первой половины XVI века, принадлежала Московской Духовной Академии, а теперь хранится в Московской Ленинской Библиотеке (Собрание Моск. Д. Академии № 54). Описания: 1. Архим. Леонид, Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св.-Тр. Сергиевой Лавры в Библиотеку Троицкой Духовной Семинарии (Чтения в Обществе Моск. Ист. и Древностей, 1887) и отдельно, М., 1887. 2. Срезневский, Обозрение 119—123 и 129—134 (совместно с Устюжской). 3. Бенешевич, Синагога, 201—212. 4. Тихомиров ЗС 14 и 33—34. Варианты сравнительно с Устюжской 47—54. Текст в рукописи на л. 38—42. Пока не издан, хотя есть основание предполагать, что протографом этого списка послужил особый, древний список (варианты: „вере" вместо „правде" в 1 гл., „оуроку" вм. „оброкоу" в 3 гл., „черноризицу" вм. „черньцю" в 6 (5) гл. и др.). Негативная фотокопия л. 38а—42а дана при настоящей статье.

Заслуживает внимания и текст ЗС в печатной Кормчей, помещенный во всех ее 10 изданиях в 46 главе, хотя и подправленный, но имеющий в основе какую-то древнюю рукопись. Мы пользуемся московским изданием Кормчей 1804 года, где ЗС находится во второй части на л. 50—54. Только в печатной Кормчей счет глав ведется правильно, которому мы и следуем. Между тем оригинал Варсонофиевской и Новгородской Кормчих главу, следующую за четвертой, обозначил цифрой 6, почему и все дальнейшие главы обозначены числом на единицу бо́льшим, чем следовало бы. С другой стороны переписчик протографа Устюжской и Иасафовской Кормчих пропустил вторую страницу своего оригинала, на которой находилась вторая часть второй главы, озаглавленная „о послоусехъ", и вспомнил о ней только тогда, когда переписал уже седьмую главу, почему он и восьмую главу оставил без нумерации, а после нее, также без нумерации, переписал и вторую часть второй главы, почему в этих рукописях главы, начиная с восьмой (на самом деле с девятой), означаются цифрой на единицу меньшей, чем следовало бы.

В Болгарии Устюжский список ЗС был издан 4 раза: 1) Г. Данаилов, Един памятник за старото българско право, Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, т. XVIII, София, 1901, 20—24; 2) С. С. Бобчев, Един памятник... критика труда Данаилова с новым изданием ЗС, Периодично списание на Книжевното дружство LXII, София, 634—643; 3) Он же, Старобългарски правни памятници, София, 1903, 83—92 и 4) Венелин Ганев в приложении к своему обширному исследованию: Законъ соудный людемъ, София, 1959 (стр. 11+620), здесь же дан текст ЗС по Устюжской, Варсонофиевской и печатной Кормчей. Все эти издания менее исправны, чем у Тихомирова ЗС. М. Андреев в статье: „Към въпроса за произхода и същността на Закон соудный людемъ" („Годишник софийския университет. Юридически факултет", т. 49, София, 1958, 1—60) дал негативную фототипию ЗС по Устюжскому списку.

[2] Издана по Устюжской (Рум) и Иасафовской рукописям (см. прим. 1АВ) И. И. Срезневским в Обозрении древних русских списков Кормчей Книги, СПб., 1897 (Сборник Отдел. русского яз. и словесности И. Ак. Наук, т. LXV, № 2), Приложения, стр. 1—66. Литература указана в нашей статье „Апостол славянства св. Мефодий как канонист", ЖМП, 1958, № 3, 38—51.

[3] Издания: 1) Bart. Kopitar, Glagolita Clozianus, Wien, 1836; Это первое издание Клозова сборника дополнил Франц Миклошич: Zum Glagolita Closianus, Wien, 1860; 2) V. Vondrak, Glagolita Closův, Praha, 1894; 3) A. Dostal, Closianus, Praha, 1959.

[4] Josef Vašica. 1) Anonimni homilie v rucopisi Closove, Časopis pro moderni filologii, XXXIII (1949) 6—9; 2) Origine Cyrillomethodieve du plus ancienn code slave dit „Zakon Sudnyi ljudem", Byzantinoslavica XII (1951) 154—174; 3) Anonimni Homilie rukopisa Clozova po struci pravni, Slavia XXV, 2 (1956) 221—233; 4) Jazikova povaha Zakona sudneho ljudem, Slavia XXVII, 4 (1958) 521—537; 5) K otažce puvodu Zakona sudneho ljudem, Slavia XXX, 1 (1961), 1—19.

[5] Fr. Grivec, 1) Clozov Kopitariev Glagolit v slovenski knjizevnesti in zgodovini, Rasprave Akademije Znanosti in Umetnosti I Ljubljana (1943), 343—408; 2) O tezkih mestih v Clozovem Glagolitu, Rasprave... (1950), 61—65; 3) Duo sermones s. Methodii Thessalonicensis, Orientalia Christiana Periodica, XVI, Roma, (1950), 440—448; 4) Zakon Sudnyi in Clozov Glagolit, „Slovo" br. 3 (1953), 84—89; 5) Cyrillo-Methodiana... O Metodevem Nomokanonu, „Slovo" 6—8, Zagreb (1957), 35—45.

[6] A. Vaillant, Une homélie de Méthode, Revue des études slaves XXIII (1947), 34—47; см. также: Rajko Nachtigal, Starocrkvenoslovenske Studije, Ljubljana 1936; N. van Wijk, Die altkirchenslavisch Vita Constantini, Südostforschungen, Leipzig, 1941 (74—102); V. J. Stefanic, Novija istraživanja o Klosovu Glagoljasu, „Slovo" 2 (1953): 67—74; Ст. М. Кульбакин, Лексичке студије, Глас Српске Ак. Наука, други разред, 182, Београд (1940), 1—43, Лексика старословенских превода хомилија 3—4; Клозов зборник 4—7.

[7] Новейшие и лучшие издания Паннонских Житий: 1) П. А. Лавров, Материалы по истории возникновения славянской письменности. Труды Славянской Комиссии. Изд. АН СССР, Л., 1930, 1 — 78; 2) Tadeusz Lehr-Splavinski, Zywoty Konstantina i Metodego, Poznan, 1959, 1—121; древнеславянский текст житий издан параллельно с польским переводом. Библиография о Кирилле и Мефодии до 1935 года дана в трудах: 1. Г. А. Ильинский, Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии, София, 1934; о Паннонских Житиях § 25, стр. 20—24 и 2. М. Попруженко и Ст. Романски, Библиографски преглед на славянскитѣ кирилски източници за живота и дейностьта на Кирила и Методия, София, 1935; о Паннонских Житиях стр. 27—35.

[8] Глава 2: „По тому же и пьрьци любяште и издѣтьска чьстѣныя бесѣды дѣяху", то есть „Поэтому его любили адвокаты и когда он был еще молодым, вели с ним важные беседы".

[9] Лавров, Материалы 80—81.

[10] Главный греческий источник — изданная в 1805 г. в Лейпциге и переизданная в 1807 г. в Лейпциге же, а в 1850 г. в Афинах, составленная учеником Евгения Булгариса иеромонахом Афанасием Паросским небольшая (133 стр.) книжка: „Οὐρανοῦ κρίσις..." (Полное заглавие — 12 строк), содержащая житие ученика солунских братьев епископа Словенского св. Климента, в начале которого сообщаются и некоторые новые подробности о свв. Кирилле и Мефодии, почерпнутые главным образом из утерянного „Χιλανδαρινὴ Διήγησις", хранившегося в Хилендаре. Об этих подробностях Н. П. Туницкий справедливо пишет, что их „общий характер таков, что самая придирчивая критика, основываясь на авторитете Паннонских Житий, едва ли могла бы усмотреть здесь противоречие последним или вообще заподозрить достоверность перечисленных сообщений" (Св. Климент, Епископ Словенский, Серг. Посад, 1913, 36). А Г. Ильинский (Byz. sl. I, 237) в рецензии на книгу Лаврова „Кирило та Методій..." (Киев, 1928), предполагает, что „Хиландарское сказание, вероятно, было известно уже первым ученикам Кирилла и Мефодия, а, быть может, и вышло из их среды". Но все это справедливо только относительно жития солунских братьев до их моравской миссии, а когда начинается повествование об этой миссии, автор заменяет Моравию Болгарией, так что книжка теряет значение как источник. На основании этой книжки составлена небольшая редкая брошюра митрополита Сербии и потом епископа Будимского Дионисия Поповича (1750—1828): „Истинная повѣсть о Кириллѣ и Мефодии. В Будинъ Градѣ 1823". Экземпляр этой брошюры хранится в Центральной библиотеке Сербской Академии Наук (№ R 106). О Дионисии Поповиче см. Стојан Новаковиц, Прилог к српској историји око 1790 г., Гласник Српског Ученог Друштва XX (1866) 98—101, и его же Српска библиографија за новију књижевност, у Београду 1869, 133—134; выдержки из „Истинной повести", параллельно с текстом Οὐρ. κρίσις в Приложении (стр. 263—270) к упомянутой книге Туницкого.

[11] „.... иже хощетъ съвръшенныхъ сихъ бесѣдъ искати истыихъ, в книгахъ его обрящетъ я, елико прѣложи оучитель нашь, архиепископъ Мефодьи раздѣль я на осмь словес"... Этот Мефодиев труд потерян.

[12] Отсюда видно, что составитель ЗС имел под руками библейский текст, где читаем: „Давид сказал ... Какова часть ходившим на войну, такова часть должна быть и оставшимся при обозе... и постановил он это в закон и правило..." (1 Царств 30, 23—25).

[13] „Блоудящаго по божию закону достоить отдалятися имъ божиим рабомъ" (Уст. л. 56—56 об.). Доказывая моравское происхождение ЗС, Вашица слова „божиим рабомъ" толкует в смысле духовных лиц, которые должны наложить епитимию на блудника, и видит здесь след западного влияния, где эти слова иногда употреблялись в таком смысле. Но „отдалятися" не действительный, а возвратный залог, а слова „божии рабы", как в Новом Завете (1 Петра 2, 16; Апок. 2, 20; 7, 3; 19, 2, 5 и др.), так и в древней христианской письменности (Варнава 19, 17; 1 Климента 60, 2; 2 Климента 29, 1 и др.) часто означают вообще членов Церкви и потому здесь следует видеть ссылку на предписание ап. Павла верующим „не сообщаться с блудниками" (1 Кор., 5, 9 и 11). А в Иасафовском списке ЗС (л. 38 об.) вместо „божиим рабомъ" стоит: „божіихъ даровъ" и возможно, что так гласил и текст протографа ЗС, запрещая в течение епитимии принимать причастие и антидор. Нельзя согласиться и с мнением Вашицы (см. прим. 4, № 5), будто знаток и переводчик почти всей Библии Мефодий в своих библейских цитатах вместо подлинного библейского греческого текста пользовался западным латинским сборником: „Collatio legum Mosaicarum et Romanarum".

[14] В Эклоге нет слов, соответствующих словам ЗС „в поустѣ мѣстѣ“ и „идеже не могыи боудеть помогыи“, и они взяты из Библии (Второз. 22, 27).

[15] М. Андреев, Является ли „Закон соудный людѣмъ“ древнеболгарским юридическим памятником? Славянский Архив, Москва, 1959, 13.

[16] Г. Барац, Кирилло-Мефодиевские вопросы, Труды Киевской Духовной Академии, 1891, II, 606—680; П. В. Оджаков, Обичайно наследно право, Русе, 1885; Вашица, см. прим. 4 № 2.

[17] Так как источники свидетельствуют, что Эклога издана девятого индикта, а во время царствования Льва Исавра этот индикт приходился и на 726 и на 741 год, то год издания Эклоги является спорным. Большинство авторов следуют мнению В. Г. Васильевского, основательно доказывающего, что Эклога издана в 726 г. (Законодательство иконоборцев, Журнал Мин. Нар. Просвещения, ч. CXCIX, 274—278 и Труды, IV, 157—164). Н. П. Благоев однако доказывает (Еклога, София, 1932, 19—21), что Эклога издана в 741 году, так как в первые десять лет царствования (717—726) Лев был занят войнами и так как в предисловии Эклоги выражается надежда, что она возвратит государству правосудие, существовавшее в нем до 695 г., а если в Эклоге не запрещается иконопочитание, то только потому, что об этом не было повода говорить в этом памятнике. Эти доводы нельзя признать вескими. Если Лев был занят войнами, то ведь, как известно, „когда короли строят, каменщикам приходится много работать“, а о таких „каменщиках“, которые на самом деле составляли Эклогу, говорит уже самое предисловие Эклоги — это патриций и квестор Никита, патриции Никита и Марин, о которых упоминает и наша Кормчая Книга (гл. 49, л. 118 об.). О том, что Эклога стремится восстановить старое правосудие, говорит уже самое ее заглавие: „Избрание (Ἐκλογή) из Институций, Дигест, Кодекса, Новелл Великого Юстиниана и исправление в смысле большего человеколюбия“ и непонятно, почему бы Лев понял необходимость в таком восстановлении и исправлении только перед смертью, а в течение своего двадцатичетырехлетнего царствования не понимал этого. Если Эклога считает необходимым определить наказание смертью манихеям и монтанистам (XVII, 52) — еретикам, почти исчезнувшим в эту эпоху и не имевшим никакого политического значения, то тем более Лев должен бы был упомянуть о защитниках иконопочитания, чья оппозиция не раз грозила ему потерей престола, если бы борьба против иконопочитания, уже началась во время издания Эклоги.

[18] Chronographia, rec. de Boor, Lipsiae, 1885, p. 430, 20—21.

[19] Мила Рајковић, Област Стримона и тема Стримон, Зборник радова Српске Академије Наука, LIX (1958), 3.

[20] De admin. imp. cap. 49: „Император, узнав это, дал такой приказ: Так как полная победа одержана апостолом, то подобает все войско неприятельское, добычу и доспехи отдать ему. Он приказал как самих неприятелей со всеми их семействами, их родными и близкими, так и все их имущество приписать к храму апостола в митрополии Патр. . . Он дал на это названной митрополии и грамоту. . . С того времени славяне, отданные митрополии, кормят стратигов, чиновников и всех посылаемых от народов послов, как заложников, имея своих стольников, поваров и всех приготовляющих кушанья для стола, причем митрополия нисколько об этом не заботится, но сами славяне сносят все эти припасы по определению и распределению своей общины (ὁμάδος)“ (Сборник документов по социально-эконом. истории Византии, Москва, 1951, 90—91).

[21] „. . . Лев издал грамоту, подробно излагающую, что должны доставлять приписанные (ἐναπογραφόμενα) под митрополита, чтобы он не обращал этого в деньги или, вообще, чтобы каким-нибудь образом не было учинено им какого-либо несправедливого убытка“ (там же, 91). Значит положение славян в Патрах было настолько тяжелым, что сам император нашел нужным защитить их. Вероятно таково же было и положение стримонцев по декрету Константина V, пока они не освободились от византийской власти. См. также К. Грот, Известия Константина Багрянородного о Сербах и Хорватах и их расселении на Балканском полуострове, СПб., 1879, 206—214.

[22] E. A. Sophocles, Greek Lexicon, New York — Leipzig, 1888, p. 67.

[23] Acta Patr., т. II, 188—192; с параллельным русским переводом А. Павлова — Русская Историческая Библиотека, т. VI, СПб., 1880, [1908²], Приложения, 265—276. Г. А. Острогорский (И. В. 513, прим. 1) датирует это послание 1394—1397 годами.

Из обширного труда Константина Багрянородного De cerimoniis aulae byzantinae (Lib. II, cap. XLVII: Salutationes legatorum. . .) видно, что представители византийской власти в сношениях с иностранными государствами вообще были обязаны титуловать византийского императора „ἅγιος“ (Минь гр. CXII, col. 1255B — 1264C). Так как Мефодий был представителем византийской власти, а стримонцы даже в начале X века имели положение „славянских союзников (τῶν συμμάχων Σκλαβήνων)“, как называет их Иоанн Каменнат в своем труде о взятии Солуни (Theophanes Continuatus, Bonnae 1838, p. 515), то Мефодий был обязан в назначенном для стримонцев Судебнике титуловать византийского императора святым. О титулах византийского императора см. также L. Brehier, L'origine des titres imperieux à Byzance, BZ 15 (1906), 161; Г. Острогорский, Автократор и самодержец, Глас Српске академије наука 86 (1935), 95 — 186; O. Treitinger, Die oströmische Kaiser und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell, Jena 1938; 2-е изд. Darmstadt, 1956.

[24] Острогорский, И. В. 508.

[25] „Встань, Цезарь, и спаси погибающий город“ и, будто бы, видели императора на боевом коне, ведущим свой народ против варваров (Феофан, а. 6505, p. 501, 10—14).

Alfred L o m b a r d в книге: Constantin V Empereur des Romains, Paris, 1902, дает апологию, а иногда и панегирик Константина (см., напр., стр. 18 — 21, 168—170), сравнивая его с Карлом Великим. Критику этой книги дает И. Паргуар в ВВ XI (1904), 154—166. О положительных качествах Константина пишет и Ст. С т а н о е в и ч в книге „Колонизация словен на Балканском полуострову", Нови Сад, 1906, стр. 77 и 145.

[26] См. прим. 17.

[27] Уст. К. л. 3, 23—24; Иасаф. К. л. 2 об., 2—3. А тому, кто счел бы обязательное титулование Константина V святым в официальном акте несовместимым со святостью самого Мефодия, следует напомнить, что каноны Карфагенского собора, внесенные в канонический кодекс Православной Церкви, карают анафемой тех, кто считает святых безгрешными (Книга Правил кан. 128 и 129; Афинская Синтагма, т. III, 567—570, кан. 114 и 115).

[28] ЖМ гл. 4 „шьд слоужи яко раб мьньшоу братроу повиноуя ся емоу". Здесь же сообщается, что он не согласился на предложение царя и патриарха возвести его в архиепископа. А в конце следующей главы говорится: „Начать же пакы съ покором повиноуя ся слоужити философоу".

[29] Минь гр. 107, 625В.

[30] См. С. Т р о и ц к и й, Апостол славянства св. Мефодий как канонист, ЖМП, 1958, № 3, 38—51.

[31] Вдовая мать крестника в отношении к куму — кума—правильно называется в списках Новгородском, л. 338 об., Троицком, л. 127 и Чудовском, л. 362 об. словом „купетра", а в печатной Кормчей (л. 11, 51) словом „куепетра", тогда как в других списках находим неудачные догадки переписчиков о смысле этого слова, а именно в Варсонофиевском, л. 186: „оужику jетру свою" (другими чернилами), в Устюжском, л. 58: „коупити робу", в Иасафовском, л. 39: „вкоупѣ сестроу". Обычно это слово производят от латинского „commater", но такое словопроизводство не объясняет, откуда в славянском слове явилась буква *п*, а кроме того ку́ма, как лицо мужского пола, нельзя назвать соматерью крестника. На самом деле „купетра" есть транскрипция латинского „compater". Вдовая мать крестника является носительницей отцовского права по гражданскому закону, тогда как кум является духовным отцом крестника, почему оба они являются соотцами ребенка и не могут вступить в брак.

Западное влияние здесь несомненно, но оно существовало не только в Моравии, но и в Солуни, западном торговом центре Византии, находившемся в оживленных сношениях с Западом и в течение веков подчиненном папской власти.

[32] Ганев, 161.

[33] Текст той части 6 главы ЗС, где говорилось о наказании за блуд с монахиней, в Устюжской рукописи (л. 56 об.) не сохранился, Ганев (251) это место заменяет словами: „изгорено място". На самом деле это место не выжжено, а старательно изглажено, вероятно каким-нибудь блудником, имевшим основание опасаться за судьбу своего носа.

[34] Н. П. Б л а г о е в. Еклога, София, 1932, 35, и Законъ судный людемъ. Критички бележки. Списание на Българската Академия Наука X, 6 (1915).

[35] Слово „людие" иногда означало воинов и в древней Руси. См. Tadeusz W a s i l e w s k y, Studie nad skladem spoleznym wzczesnosredniowiecnych sil zbroinych na Rusi, Studia Wczsnosredniowiecna, t. IV, Warszawa, 1958, 301—389: „Дружина как группа определяется словами „гридь" и „людие" (387). В 968 году, когда Святослав был в Болгарии, „людие" защищали Киев от печенегов, а переплывший Днепр отрок говорил воеводе Претичу, что если он на другой день не придет на помощь городу, то „людие" сдадут город (Повесть временных лет, изд. под ред. Д. С. Лихачева, М., 1950, т. I, 47 — Василевски 380). Под 980 годом Летопись Нестора называет дружину Ярополка „людьми его" (П. собрание р. летописей, СПб., 1908, I, 126 — Василевски 315, прим. 82). В дореволюционной России на товарных вагонах обычно писалось: „40 человек, 8 лошадей", означавшее, что при мобилизации вагон может вместить 40 солдат.

[36] Об этом титуле Эклоги см.: S i n o g o w i t z, Studien zum Straftrecht des Ekloga, Πραγματεία τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, t. 21, BZ 52 (1952), 132—135.

[37] Д. П о п о в и ч. Истинная повесть 7; Т у н и ц к и й, 264. Правдоподобность сообщения о мирском имени Мефодия подтверждается обычаем давать монашеские имена, начинающиеся с той же буквы, как и мирское имя постригаемого. Вероятно имя Михаил было дано Мефодию в честь того императора, при котором он родился — Михаила I Рангаве (811—813), защитника иконопочитания, что импонировало благочестивому отцу Мефодия.

[38] И. И. С р е з н е в с к и й. Обозрение, Приложения 3—4. В заглавии этом Мефодий употребляет слово „людьский" в смысле „воинский".

[39] Т а м ж е, 20.

[40] Т а м ж е.

[41] E. D ü m m l e r. Die pannonische Legende S. Method, Archiv für Kunde Österreichische Geschichts-quellen, B. XIII (1854), S. 21.

[42] Prof. Dr F r a n j o R a c k i, Viek i dielovanje sv. Cyrilla i Methoda, II, 1959, Zagreb, 86.

[43] Fr. D v o r n i k. Les Legendes de Constantine et de Methode vue de Byzance, Prague, 1933, 17.

[44] Р. А. Н а с л е д о в а. Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Каменниаты. ВВ XI (1956), 85, 87.

[45] Заселение Балканского полуострова славянами, М., 1872, Съчинения на М. С. Д р и н о в а, т. I, София, 1909, стр. 316: „Славянское население преобладало в Фес-

салии. . . На земле этих фессалийских Славян, в е р о я т н о, находилось „княжение словѣнско“, которым правил Мефодий. . . “

[46] Geschichte der Bulgaren, Prag, 1875, 152; русский перевод: История Болгар, Одесса, 1878, 150 и 187.

[47] Свв. Кирилл и Мефодий, Труды Киевской духовной академии, 1885, II, 118. Доводы Малышевского в пользу Фессалии неубедительны. Из того, что в VIII веке в Фессалии существовало славянское княжество, еще не следует, что в IX веке славянское княжество не могло быть и в Македонии, а его мнение, будто в северо-восточной части Македонии в четвертом десятилетии IX века был введен общий порядок управления, опровергается тем фактом, что и в начале X века стримонцы имели положение союзников (σύμμαχοι) Византии и притом очень ненадежных (Каменнат, 514, 11—516, 4).

[48] См. прим. 10.

[49] Стр. 6; Туницкий, 264.

[50] Лавров, Материалы, 80.

[51] В 836 году было покорено болгарами соседнее со Стримоном славянское племя Смолян, о чем свидетельствует надпись, найденная в Филиппах на мраморе одной базилики и изданная Дворником в Bulletin de Correspondance Hellenique, 1928, p. 125—156. См. Christian G e r a r d, Les Bulgares de Volga et les Slaves du Danube, Paris, 1939, 174—175.

[52] Логофет Феоктист, покровитель Константина Философа. Труды К. дух. академии 1887, I, 265—297. О назначении Феоктиста логофетом 272 прим. О времени княжения Мефодия 293—294. То же мнение он высказывает и в статье: „Свв. Кирилл и Мефодий“ (Труды К. д. ак. 1885, II, 118).

[53] М а л ы ш е в с к и й, *Логофет Феоктист, 269 и 273.*

[54] Les Legendes, 17: „ce fut entre 843—856“.

[55] Т а м ж е, 113.

[56] Прве основе словенске књижевности међу балканских Словена, Београд, 1893, 100—101.

[57] О том, что брат императора Льва VI Мудрого Стефан поставлен Цареградским патриархом, когда Стефану было только 18 лет, есть статья С. К о л и а с в Melanges Kyriakides, Thessalonique 1953, p. 383—388. V. G r u m e l, Revue des Etudes Byzantines XVIII, 1960, p. 226. И Константин-Кирилл получил сан священника, когда ему не было и 20 лет, так как он родился в 827 году, а по сообщению греческих источников был рукоположен во священники патриархом Мефодием (842—846). Хр. Кодов в статье „Духовният чин на св. Кирил“ (Духовна Култура, 1960, май, 16—20) доказывает, что слова ЖК „постригъше и на поповьство“ следует понимать в смысле: „отдадим его в духовное звание“, так как каноны (Неокесар. соб. 11, Шестого Всел. Соб. 14) запрещают рукополагать во священники до 30 лет. Но рукоположение Константина было совершено по решению государственной власти, которая часто не сообразовалась с канонами, что видно, например, из поставления еще более молодого Стефана патриархом.

[58] Но не 3—4 лет, как предполагает Малышевский (Логофет Феоктист, 294). Острогорский (И. В. 219, прим. 1 и Byzantion 7 (1932) 226 сл.), ссылаясь на статью Е. Штайна, доказывает, что Михаил III родился около 836 года, и, следовательно, в 842 году ему было уже не менее 6 лет. С этим согласуется и ЖК, из которого видно, что в 842 году логофет Феоктист вызвал Константина в Цареград „да ся би сь цесаремь оучилъ“ (гл. 3) и что в 851 году „цесарь“ (Михаил) уже сам послал Константина к сарацинам (гл. 6).

[59] По-видимому, Феофил не был таким яростным иконоборцем, каким представляют его некоторые защитники иконопочитания. После смерти Феофила патриарх Мефодий (4 марта 843—14 июня 847), пострадавший за защиту иконопочитания исповедник, заявил от имени Синода, что вражда Феофила против иконопочитания прощена Богом, в чем он удостоверился чудесным образом (Theoph. Contin. IV 6 et 11, ed. Bonn. 651, 663—664; Минь гр. 109, 168CD et 176C — V. G r u m e l, Les Regestes des Actes du Partriarchat de Constantinople, vol. I, fasc. II (1936), p. 43—44, № 415).

[60] Истинная повесть 6; Туницкий, 264.

[61] Лавров, Материалы, Проложное Житие Мефодия по рукописям: 1) б. Успенского собора и 2) Яцимирского (102—104).

[62] Глава 18 ЖК сообщает, что Кирилл „почи о Господи сы. МВ҃. летома месяца февраля в. ДІ҃. день инъдикта втораего от сътворенья же сего мира. ЗТОZ-е лето“.

[63] Иосиф Генезий, Βασιλεῖα, Bonnae 1834, 1016—1021; Продолжатель Феофана, Bonnae 1838, 52—54.

[64] См. прим. 61.

[65] См. прим. 60.

[66] Rudolf von J h e r i n g, Zweck im Recht, Vorwort, Leipzig 1877; русский перевод, СПб., 1881.

[67] Les Legendes. 10.

[68] Ф е о ф а н, 364, 11—18 и К о н с т а н т и н VII, De thematibus, c. 3.

[69] Les Philippes 124; „le plus obscur“.

[70] De thematibus, c. 3.

[71] Феофан 430, 21—22: Τούτῳ τῷ ἔτει Κωνσταντῖνος τὰς κατὰ Μακεδονίας Σκλαβινίας ἠχρείωσεν καὶ τοὺς λοιποὺς ὑποχείριους ἐποίησεν.

[72] Туницкий, 274.

[73] См. прим. 41.

[74] См. прим. 42.
[75] Les Legendes, 15—18.
[76] Les Philippes, p. 128, n. 1.
[77] Ј а д р а н Ф е р л у г а, Ниже војно-административне јединице тематског уређења. Виз. Институт, Зборник радова, кн. 2, Београд, 1953, 77.
[78] См. прим. 61.
[79] Феофан 463, 23—464, 2.
[80] Феофан 491, 13.
[81] Феофан 501, 1—2.
[82] См. прим. 51, а также: F. D v o r n i k, La vie de Saint Gregoire le Decapolite et les Slaves Macedoniens au IX siecle, Paris, 1926, p. 36—37, 62.
[83] См. прим. 61.
[84] Л а в р о в, Материалы, 80—81.
[85] Op. cit. (см. прим. 19), 1.
[86] Туницкий, 172.
[87] De admin. imp., c. 32.
[88] Глас САН CLXXVI (1938) 245—284. На основании лингвистического материала Скок предполагает, что славяне (но не сербы) жили здесь и до Ираклия и пришли сюда в VI веке вместе с аварами (278).
[89] Bellum Gothicum, ed. Jacobus Haury, Lipsiae, 1906, III, 379.
[90] Strategicon XII, 6, Scheffer 272; Извори I, 130.
[91] Tactica XVIII, 100, Минь гр. 107, 968D — 969A.
[92] Historiae, ed. de Boor Lipsiae 1887, VI, 2, 224, 11—12.
[93] „Стримонцы были наиболее активными и грозными (redoutables) из всех славян, населявших Македонию" (Ch. G e r a r d, Les Bulgares de la Volga et les Slaves du Danube, Paris, 1939, 133—134).
[94] Miracula S. Demetrii, I, 14, Минь гр. 116, 1300; II, 4, Tougard 102, 20, 156, 75; 166, 87; 182, 106; 184, 107; Сборник док. XIV, §§ 125, 133, 139, 162, стр. 96—98.
[95] И. Камениат. О взятии Солуни сарацинами: „Не было никого, кто бы искуснее их (стримонцев) попадал в цель и ничто не могло противостоять силе их стрел" (Th. Continuatus, ed. Bekker, Bonnae, 1838, 523, 7, а также: 524, 5—8; 528, 9—10 и 535, 17—18).
[96] Strategicon XII, 5; Scheffer 272—273, 276; Извори I, 130, 134; Ст. Станојевић и В. Ћоровић, Одабрани извори за српску историју, 27—32; Сборник док. 82—84.
[97] Strategicon XII, 5, Scheffer 281; Извори I, 138.
[98] Miracula II, 4, Tougard 156, 76—78; 182—186; Vita S. Gregorii Dec. 10, p. 54, 23—26; Tactica XVIII, 99—101, Минь гр. 107, 968—969.
[99] Miracula Sancti Demetrii II, 4 — Tougard 148—166, 65—87; Извори I, 198—205; Фрањо Баришић, Чуда Димитрија Солунског као историски извори, Посебна издања Српске академије наука, книга CCXIX, Београд, 1953, 106—108. В 691—692 гг. в Малой Азии около 20 000 славянских воинов, по-видимому, возмущенные нарушением договора с арабами Юстинианом II, перешли на сторону арабов и византийское войско вынуждено было бежать (Феофан, 365, 30—366, 20). Поражение царя Никифора Крумом в 811 году отчасти объясняется помощью, оказанной Круму славянами (H. G r e g u a r, Un nuveau fragment du Scriptor incertus de Leone Armenio, Byzantion XI (1936) 423, 28).
[100] Чудеса св. Димитрия II, 4, Tougard 166, № 86 и 176, № 96.
[101] Т а м ж е, 168, № 89.
[102] См. прим. 71.
[103] П. Н и к и ф о р, Breviarium 36, 17—37, 9.
[104] См. прим. 95.
[105] Стратегикон XII, 5, Scheffer, p. 272—273. Й. М я т л е в в статье „Причины, по которым болгарский народ миновал в своем развитии стадию рабовладения" (Историйски Студии, София 1955, 234—310) доказывает, что рабство не было распространено в Болгарии, а это говорит против происхождения ЗС в этой стране.
[106] По обычному славянскому праву наказание за убийство („вражда") было правом и даже обязанностью ближайших родственников убитого, и только в случае их отсутствия — обязанностью рода или племени. См. д-р К а р л о К а д л е ц, Првобитно словенско право пре X века, Београд, 1924, 89 сл.; А. С о л о в ь е в, Τὸ φονικόν, један словенски утицај у византиском праву, Архив за правне и друштвене науке XXV (Београд, 1932), 23—33; Кара за убийство в византийском и славянском праве, Записки Русского Научного Института в Белграде VII, 1932, 331—351; G. P u i l l a r d et A. S o l o v i e v. Τὸ φονικόν. Une influence slave sur le droit penal byzantine, Μνημοσύνα Παππούλια, Athenes, 1934, 211—232.
[107] См., например, грамоту Константинопольского патриарха Антония русскому великому князю Василию Димитриевичу 1394—97 гг.: „Царь. . . поставляется царем и самодержцем Ромеев, то есть всех христиан. . . Великий царь господин и начальник вселенной... Послушай верховного апостола Петра, говорящего. . . : „Бога бойтесь, царя чтите", не сказал „царей", чтобы кто не стал подразумевать именующихся царями у разных народов, но сказал „царя", указывая на то, что один только царь во вселенной, ибо если и некоторые другие из христиан присваивают себе имя царя, то все эти примеры суть нечто противоестественное и противозаконное, более дело тирании и насилия" (Русская Историческая Библиотека, т. VI, СПб., 1880 [и 1908²] 272, 274, 276). А царем в это время был Мануил II Палеолог (1391—1425), сателлит султана Баязида, и подвластная Мануилу территория была ограничена стенами Константинополя. См. также: Fr. D ö l g e r, Byzanz als weit-

geschichtliche Potenz, Wort und Warheit, München, 1949; O. Trettinger, Die oströmische Kaiser und Reichsidee nach ihre Gestaltung. . . 2 Aufl., Darmstadt, 1956.

[108] Эклога XVII, 1: ιβ' ἀλλακτά. Ἀλλακτόν — fustis vel baculum, non flagellum (Du Gange, Glossarium, Vratislaviae, 1891), то есть „трость или палка, не бич". В других случаях телесное наказание означается в Эклоге глаголом τύπτω, который ЗС переводит „да тепеть" или „тепеться" (гл. 9, 14, 18, 25, 27, 29) — бить, ударять, а иногда и — бичевать. Стремясь дать наиболее действительную защиту праву убежища, ЗС добавляет к тексту Эклоги: „кто любо будеть". Значит всякому нарушителю этого права, не исключая и жупанов, грозит то же жестокое наказание.

[109] Ст. Станоевич в труде: „Византија и Срби", кн. друга — Колонизација словена на Балканском полуострову, Нови Сад 1906, стр. 242, ссылаясь на византийских историков, приводит несколько таких случаев.

[110] Там же, стр. 137, 241, 243.

[111] Там же, стр. 141, 242.

[112] Там же, стр. 142, 243.

[113] Такова, например, Кормчая 1493 года, № 412, принадлежавшая Соловецкому монастырю, позднее Казанской духовной академии, а ныне Московскому Историческому музею. Описана в журнале „Православный Собеседник" (Казань), январь, 1882; см. Н. С. Суворов, Следы западного католического церковного права в памятниках древнерусского права, 51—52, прим. 87.

[114] В статье: „Закон судный людей" (Списи на Българска академия наука, кн. X, стр. 127) Благоев доказывает, что ЗС составил некий болгарский монах, но в „Лекциях по истории на българско право", София 1926, признает, что правдоподобное мнение о болгарском происхождении ЗС „не е подкреплено съ исторически факти" (стр. 22). Однако в книге „Еклога" (София, 1932) он опять пишет, что ЗС есть „една компиляция, коята, наверно, некой български монах е съставил. . . за църковните люди, кои су били посветени на манастира" (стр. 35). Но невероятно, чтобы некий монах стал компилировать закон, в котором нет ни слова о монастыре и его доходах, а подробно говорится о том, как нужно делить военную добычу.

[115] См. прим. 97.

[116] Камениат о взятии Солуни арабами: „Это (нежелание большинства славян защищать Солунь) произошло от того, что они простодушны и вверены очень плохим вождям (ἄρχοντας), предпочитающим личную выгоду общему благу, обычно строящим козни соседу, падким на подарки и интересующимся только его имуществом" (стр. 515).

[117] Лев VI Мудрый, Тактика IV, 10, Минь гр. 107, 701D.

[118] То есть фиску в Солуни.

[119] Камениат, 515, 2; 546, 3.

[120] О свидетелях на суде в древнеславянском праве см. C. Prochaska, Posluch et Vidok dans le droit slave, Byzantinoslavica XX; 2 (1959) 231—251.

[121] Вашица в упомянутой статье о характере языка в ЗС (Slavia XXVII, 4, 1958, 521—537) видит здесь указание на скотоложство (531—534), но слово „житие" указывает не на такой акт, а на известный образ жизни. Как мы видели, Мефодий обычно руководится канонами Василия Великого, а в этих канонах скотским именуется не скотоложство, а образ жизни многобрачного. Это видим в его 65 каноне как в греческом оригинале (Ioanni Scholastici Synagoga L titulorum; ed. V. Beneševič, München 1937, tit. 43, p. 135: πολυγαμίαν ὡς κτηνώδη"), так и в Мефодиевом сокращенном переводе этой Синагоги (Срезневский, Обозрение. . . Кормчей книги, Приложения, стр. 55: Многобрачя. . . яко скотьско).

[122] Вашица (op. cit., 534) предполагает, что здесь имеется ошибка переписчика, и толкует это место, считаясь с обширной редакцией ЗС по изданию Дубенского, где вместо „непобедими" стоит „небдими", что Вашица толкует в смысле „невменяемые", а вместо „на присягъ" стоит „на прю". Но текст всех рукописей краткой редакции ЗС гласит именно „непобѣдими" и весь этот период перечисляет свидетелей, которых „не достоить ни въ едину прю приимати", так что вторичное упоминание о „при" было бы излишним повторением, что трудно допустить в лаконическом стиле ЗС. На самом деле последний период второй главы ЗС имеет тот вполне ясный смысл, что свидетели, несмотря на убеждения отказавшиеся присягать, отводятся от свидетельства, так как их упорный отказ от присяги дает основание сомневаться в истинности их показания.

[123] Минь гр. 107, 625B. Здесь годовая работа наемника оценивается всего в два златника.

[124] Минь лат. CXIX, p. 1013A.

[125] Нужно добавить, что хотя слово „съшествиіе" и встречается в древнеславянских памятниках, но не имеет здесь того смысла, который придает ему Вашица, а означает или схождение, снисхождение или — совпадение, случайность. См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, III, 868.

[126] Не „сохранила", а исправила. Составитель обширной редакции ЗС изменял и дополнял текст краткой редакции этого памятника сообразно тексту Эклоги и других источников.

[127] Op. cit., Slavia XXVII/4 (1958) 532.

[128] Изд. 1804 г., II, л. 60, грань четвертая: „дѣвамъ же вящшимъ быти двунадесете лѣтъ".

[129] Там же, глава 49, зачаток вторый, глава 1: „женѣ же отъ трехъ надесеть лѣтъ".

[130] Лавров, Материалы, 162—164.

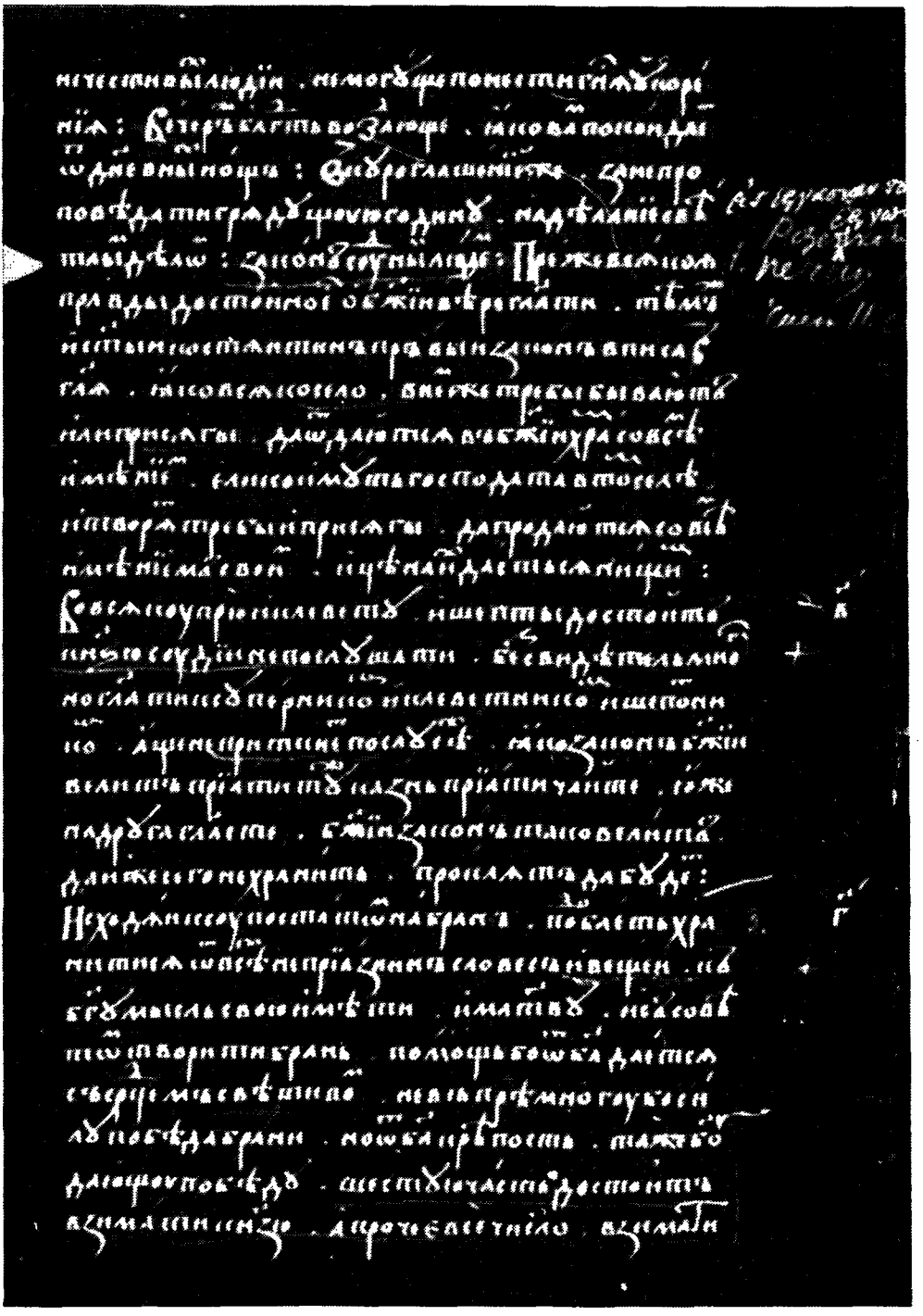
[131] Г. Барац, Кирилло-Мефодиевские вопросы, Труды Киевской д. академии

1891, II, 606—680; Собрание трудов по вопросу об еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности, Париж, 1927, 349—375.

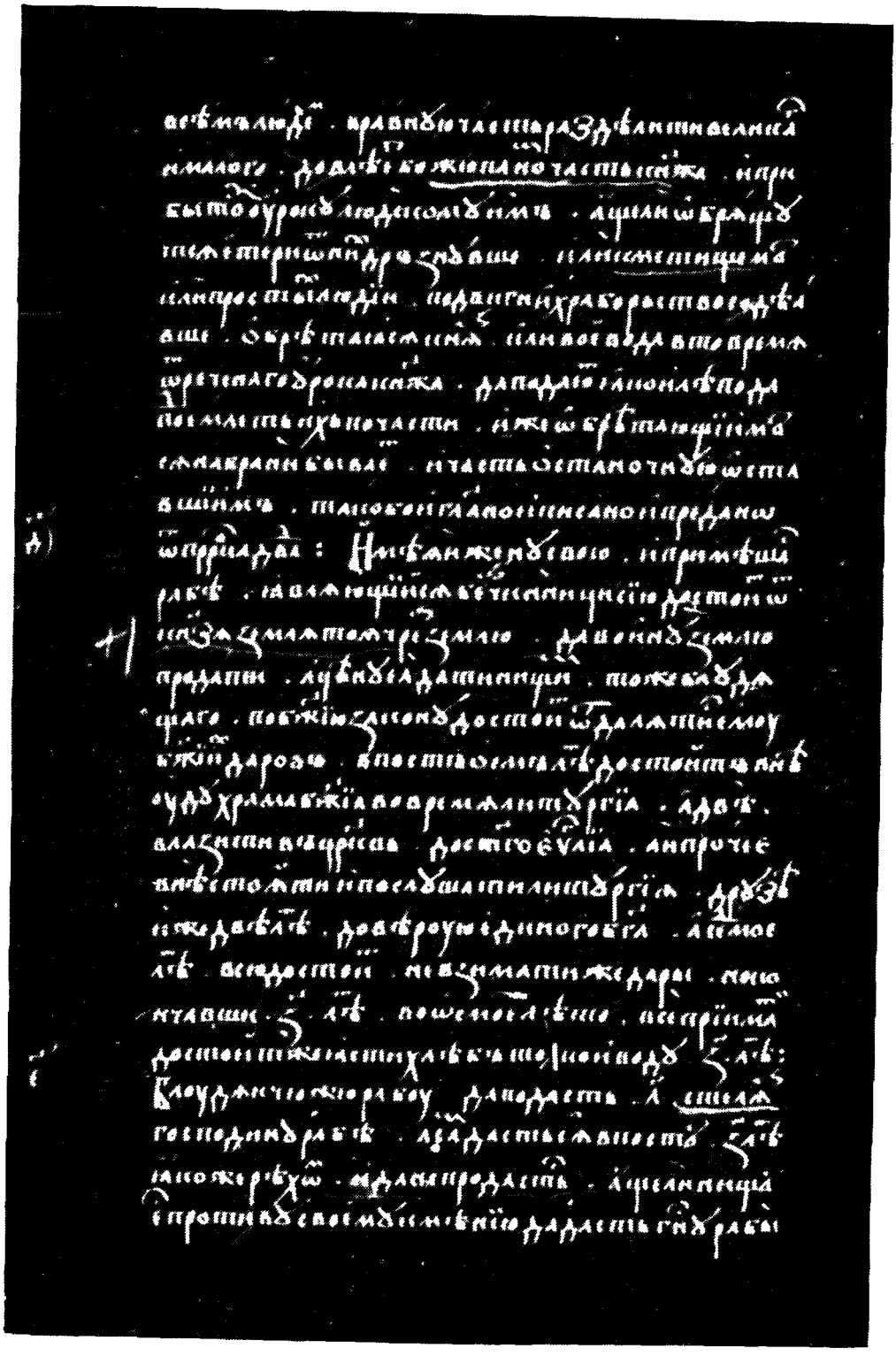
[132] V. Gardthausen, Griechische Palaeographie, B. II, 2 Aufl., Leipzig, 1918. См. приложенные снимки с рукописи 862 года № 3 и с рукописи 880 года № 4а, из которых видно, что в эпоху Мефодия буква „г" у греков в унциальном и маюскульном письме писалась не как „γ", а как „г", а что правая часть буквы „к" писалась отдельно от левого столбика, это видно из снимка на стр. 151 Греческой палеографии Гардгаузена. И позднее греческая цифра 13 иногда писалась очень похоже на цифру 20. Примером может служить хранящаяся в Московском Историческом музее самая древняя рукопись Синтагмы Матфея Властаря, датированная 1342 годом, а составлена эти Синтагма, как известно, в 1335 году.

[133] Такую же ошибку сделал переводчик греческого оригинала Проложного жития Мефодия, сохранившегося в славянской рукописи 1405 года (Лавров, Материалы, 102—103). Здесь сообщается, будто царь поставил Мефодия князем „въ Словѣнѣхъ", когда ему было только 12 лет. Между тем в Львовской рукописи этого жития говорится, что Мефодий был поставлен князем, когда ему было 20 лет, что вполне соответствует другим датам, а именно, что Мефодий родился около 811 года, был вызван в Константинополь в 829 году, а князем был назначен, прослужив там некоторое время.

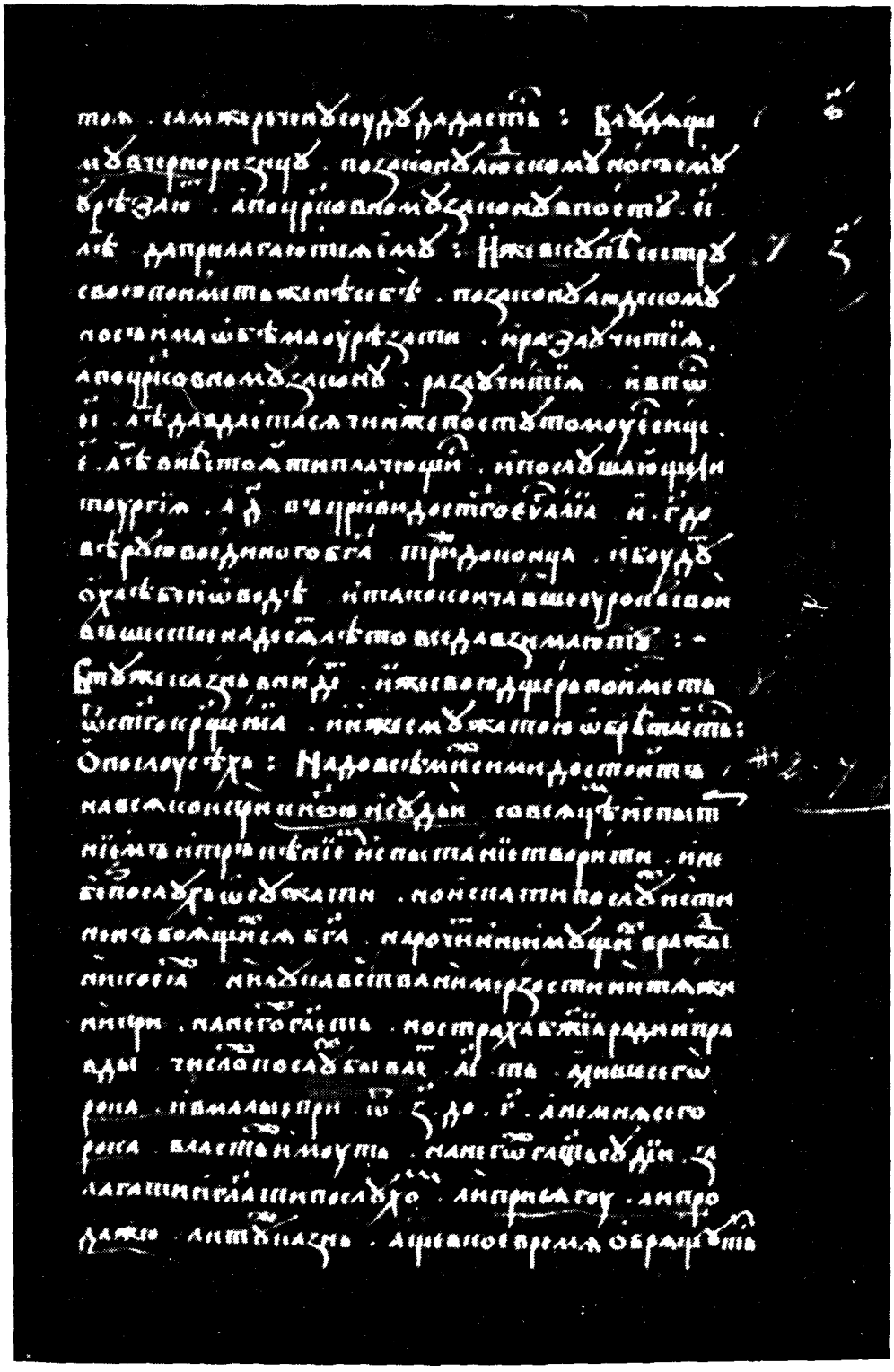
Нужно обратить внимание на обозначение места Мефодиева княжества: „въ Словѣнѣхъ". Очевидно это — перевод греческого ἐν Σκλαβινίαις, а „Σκλαβινία" у греческих авторов служило специальным названием для населенной славянами Македонии (см. Извори I, 222, прим. 9).



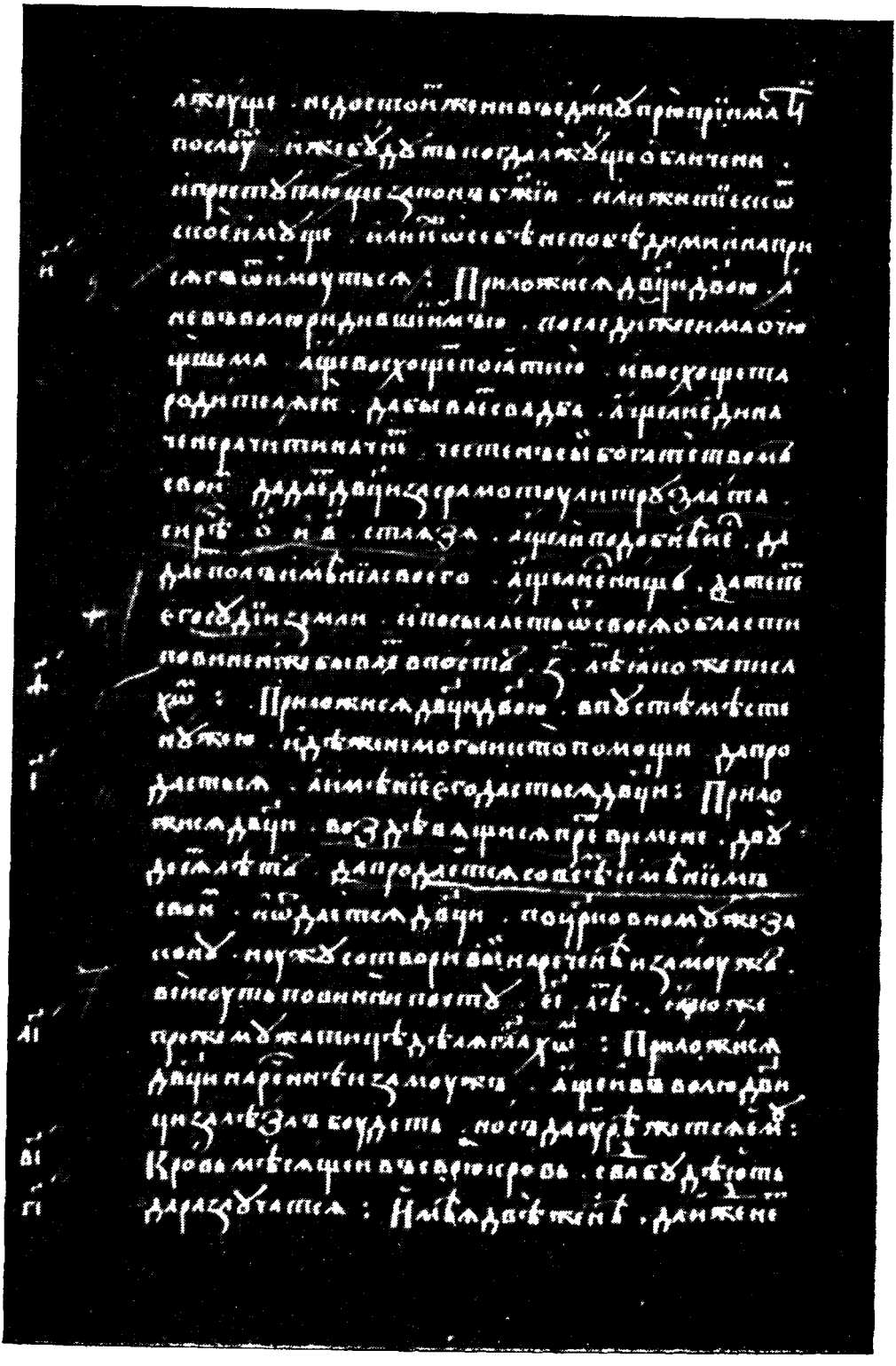
„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей (Гос. Библиотека им. Ленина, Собрание Московской духовной академии, № 54), л. 38а



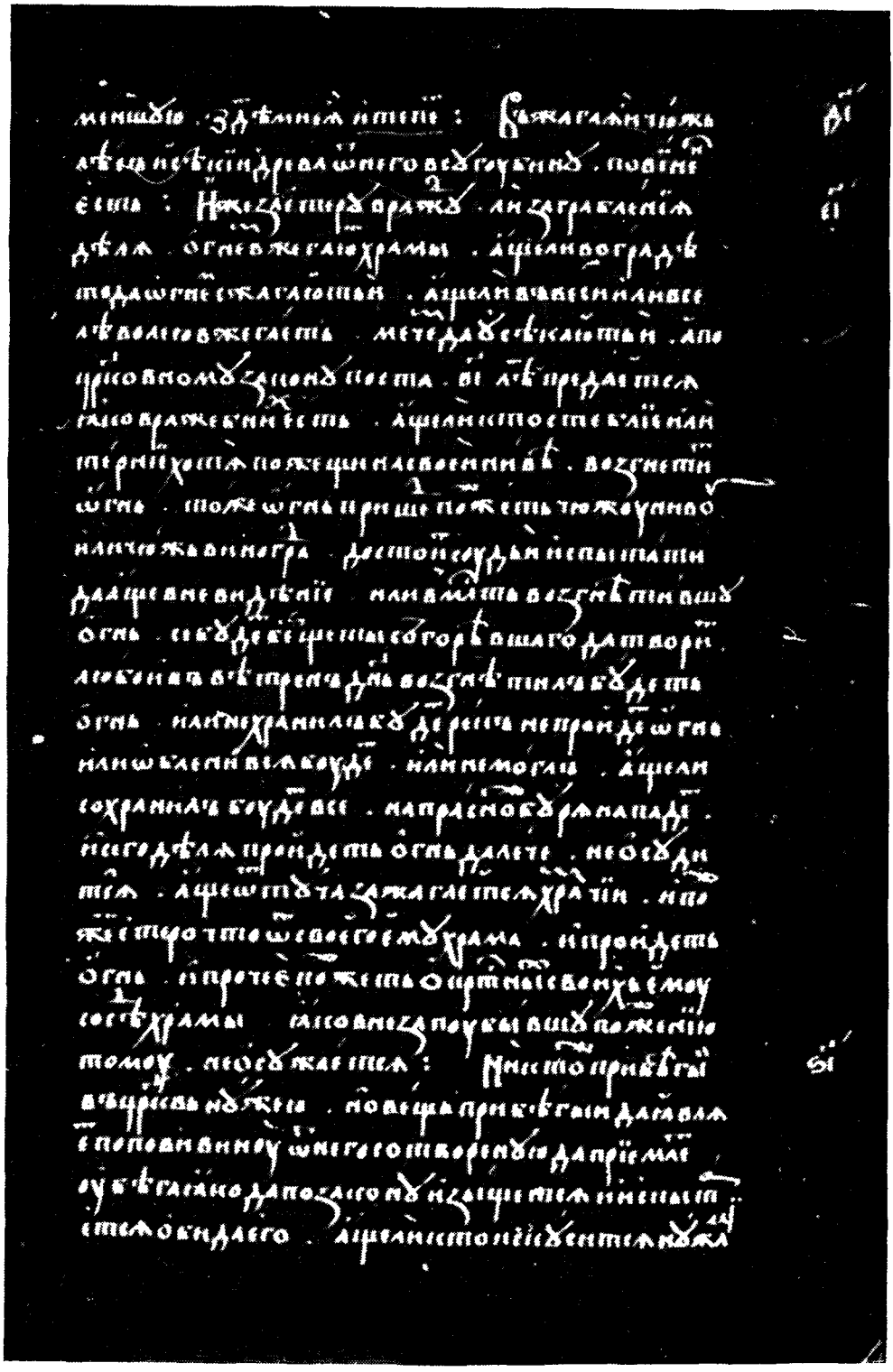
„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 38б



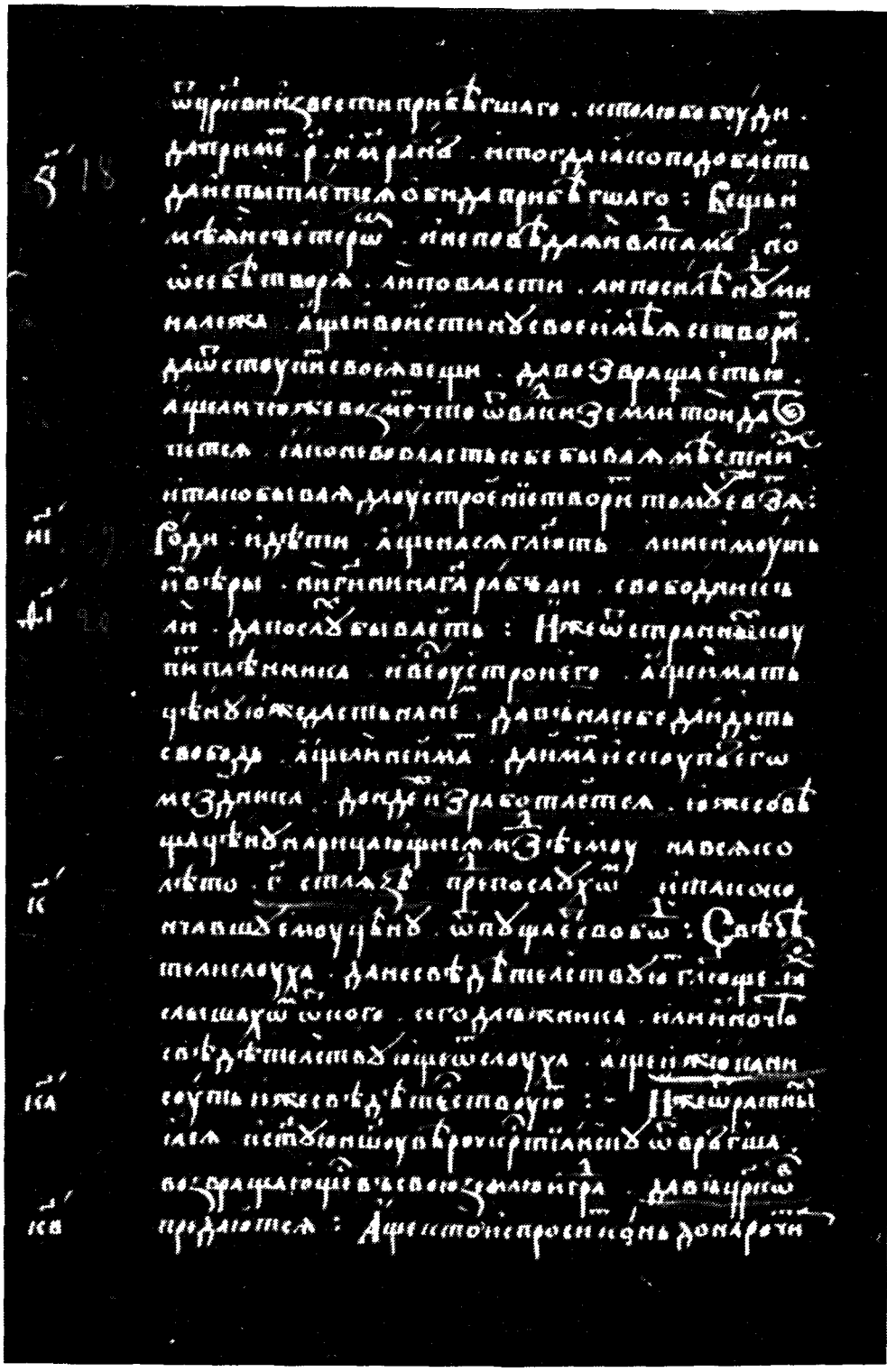
„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 39а



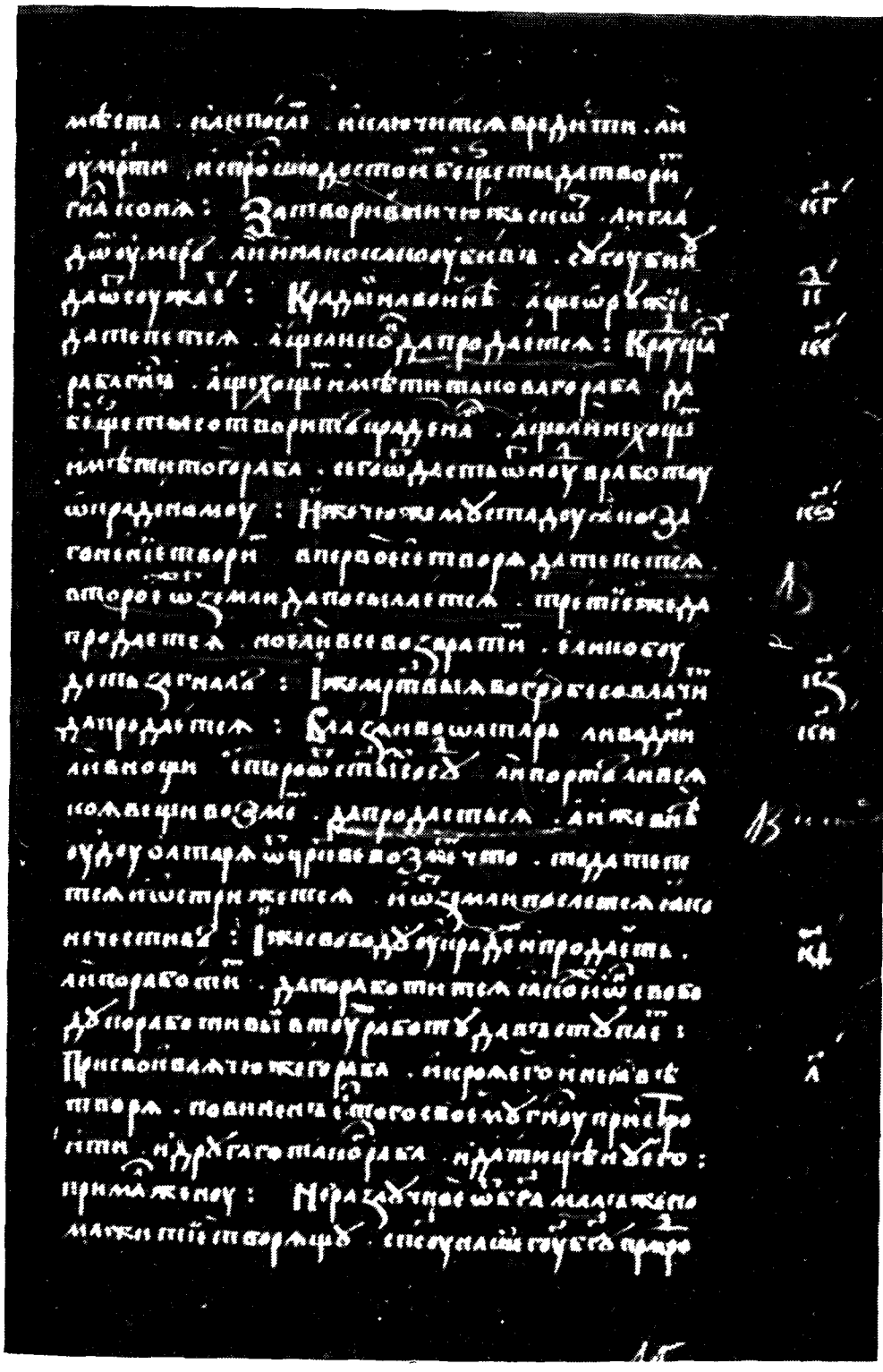
„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 39б



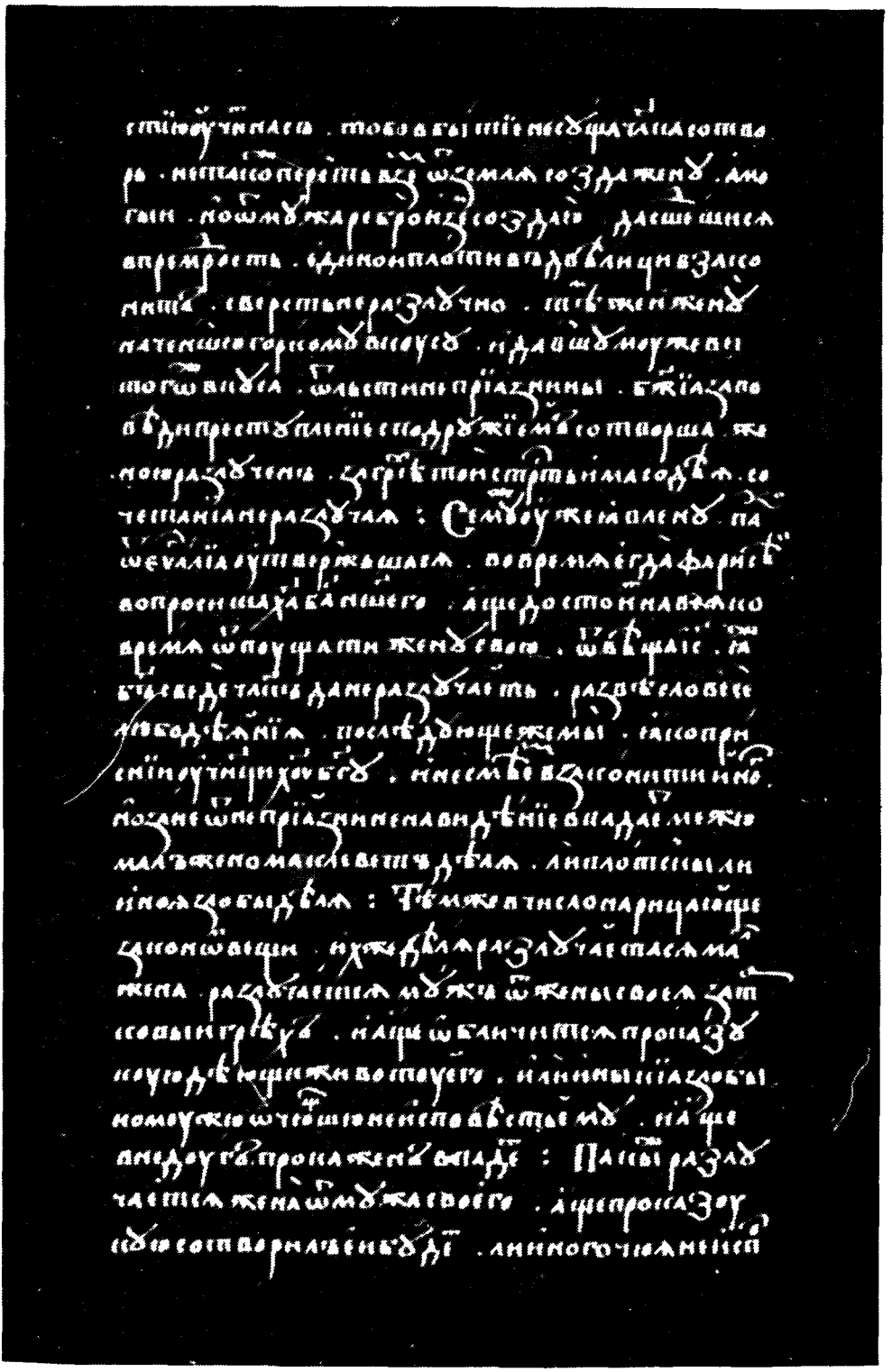
„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 40а



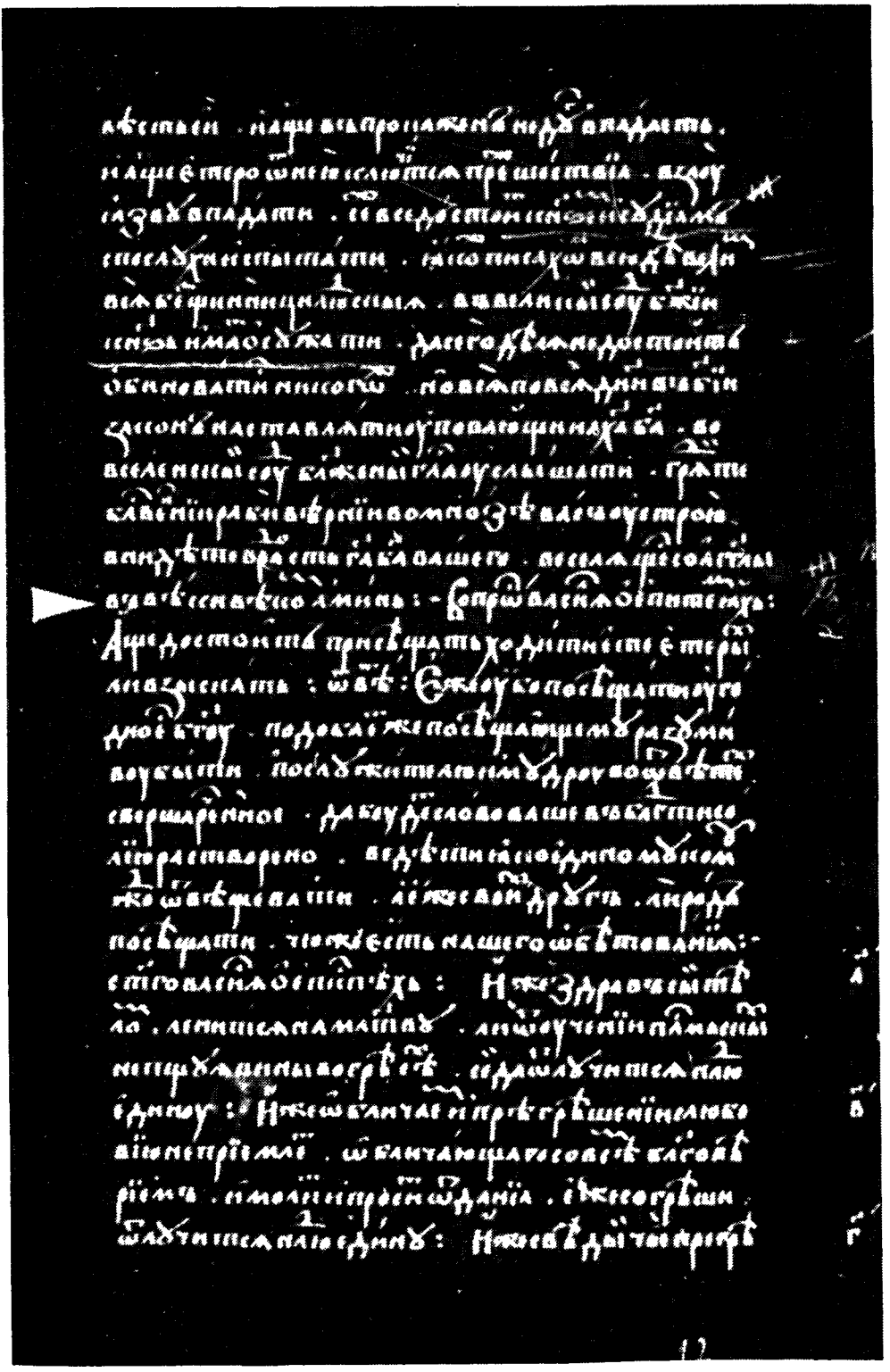
„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 40б



„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 41а



„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 41б



„Закон судный людем“ в рукописи Иасафовской Кормчей, л. 42а